Дети Ра

журнал поэзии

4 (221)
2026

Международный журнал поэзии

Дети Ра

Сайт журнала http://www.detira.ru

ИЗДАТЕЛЬ
Холдинговая компания «Вест-Консалтинг»
(Генеральный директор Евгений Степанов)

РЕДАКЦИЯ
Евгений Степанов (главный редактор)
Ольга Ефимова (редактор отдела поэзии)
Фёдор Мальцев (редактор отдела критики)

РЕДКОЛЛЕГИЯ
Алексей Александров (Саратов)
Юрий Беликов (Пермь)
Сергей Бирюков (Москва)
Александр Давыдов (Москва)
Евгений Минин (Иерусалим, Израиль)
Арсен Мирзаев (Санкт-Петербург)
Юрий Орлицкий (Москва)
Сергей Попов (Воронеж)
Евгений Харитонов (Москва)
Атнер Хузангай (Чебоксары)
Элана (Саратов)

Автор обложки — Мария Губарь

Компьютерная верстка — Ирина Ракитина

Телефон редакции: тел./факс: (495) 978-62-75
E-mail: stepanovev@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Евгений СТЕПАНОВ 5

ПЕРЕКЛИЧКА ПОЭТОВ

Андрей НОВИКОВ. **На высокой ноте.** Стихотворения 6
Евгений ЛЕСИН. **Шел по городу волшебник.** Стихотворения 9
Павел СИДЕЛЬНИКОВ. **«Стихи, которым места мало».** Стихотворения 13
Борис ГЛУБОКОВ. **На волшебной свирели.** Стихотворения 17
Евгений СТЕПАНОВ. **Если можешь.** Стихотворения 20

ПЕРЕВОДЫ

Исмаил БЕЙТУГАНОВ. **Не жалея дней и сил.** Стихотворения 26

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Алла СТРОГАНОВА-НОВИКОВА. **«Много правды горькой и простой...».**
(205 лет великому русскому поэту Николаю Алексеевичу Некрасову) 28

ПУБЛИЦИСТИКА

Иосиф РУХОВИЧ. **Исполнительское мастерство читателя** 51

ЭССЕ

Борис КОЛЫМАГИН. **Жизнь и сон** 69

ЮБИЛЕЙ

Пётр ГУЛДЕДАВА. **Порыв любви.** Стихотворения 72

ДНЕВНИК РЕДАКТОРА

Евгений СТЕПАНОВ. **Июль–сентябрь 2026**. 75

NOTA BENE: КНИЖНАЯ ПОЛКА СЕРГЕЯ БИРЮКОВА

Прочитанные книги:
Вадим Фадин, «Поздний час»
Мартин Миттельмайер, «Век ДАДА» 78

РЕЦЕНЗИИ

Книги читали:
Андрей ШУТОВ (Вера Панченко, «Вдоль радуг-дорог»)
Александр БАЛТИН (Юрий Казарин, «Немтырь (думающий стихи)») 80

Дорогие читатели и авторы!

Мы продолжаем работать.
Оставайтесь с нами!

Евгений СТЕПАНОВ

Андрей НОВИКОВ

НА ВЫСОКОЙ НОТЕ

ЗНАМЕНАТЕЛЬ

Игрива, шаловлива и шумна, вторгалась жизнь и капала на темя,
И было только горе от ума, такое на дворе стояло время.
Еще не назревала смена вер, и смена вех не шла еще насмарку.
И я гулял, примерный пионер, с мороженым по городскому парку.
Незримую вынашивая связь, природа потрудилась в самом деле —
Деревья образовывали вязь, в пластмассовых кустах шмели гудели.
Среди скульптурных гипсовых химер, пенсионеров, домино и шашек,
Коней педальных или, например, аттракционов, простотою страшных.
День хроникальный длился как изгой, на дежавю мучительно похожий,
В нем янки все еще бомбят Ханой и Чингачгук воюет краснокожий.
Жизнь отрастила праздник, как кисту под скальпель вездесущего мгновенья,
Мне все казалось, медленно расту, а это изменялся угол зренья.
В том знаменатель. Ищет двойника душа, и лета зреет середина.
Как сахарная вата облака, в них запах овощного магазина.
Иду я, имя прежнее назвав, и жизни смысл сверяю с небесами,
Меня хранил кто, навсегда отстав, сухими улыбаются глазами.
За мною деревянный самокат на маленьких подшипниках катился.
Не помню то, чему был страшно рад, не ведаю, с чем навсегда простился.

ПРАЗДНИК

Жизнь интересна в первой трети,
На кухне молоко кипит,
Петарды зажигают дети,
И снег искрится и шипит.

Андрей Новиков — публицист, поэт, прозаик, эссеист и переводчик. Родился в 1961 году в с. Алабузино Бежецкого района Тверской области. После службы в армии поступил в Литературный институт им. А. М. Горького на факультет поэзии (семинар В. Кострова). После окончания института в 1990 году работал журналистом. В настоящее время литературный редактор информационно-аналитического журнала «Успех48», Председатель Липецкого регионального отделения литературного сообщества писателей России (Литфонд). Автор 9 книг. Печатался в «Литературной газете», «Литературной России», журналах «Москва», «Сибирские огни», «Дон», «Урал», «Нева», «Аврора», «Север», «Сура», «Подъем». Лауреат православной Филофеевской литературной премии, многократный лауреат Международного литературного конкурса «Золотое перо Руси», VI открытой Международной Южно-Уральской литературной премии, Липецкой областной премии имени И. А. Бунина, лауреат Международной литературной премии «Форпост» им. Сергея Короткова, всероссийской литературной премии им. Александра Маздорфа.

В прихожей разговоры грубы,
Свет резко падает в проем,
Приходят гости. Шапки, шубы
Топорщатся хмельным зверьем.
А улица ликует в сборах,
Куранты бьют желанный час,
Расплавлен наст, чернеет порох,
Привычно праздник входит в нас.
Вот так — приливом и отливом,
Сумбуром, новизной затей...
И только хрупки и ленивы
Остатки ледяных дождей.
В них видно будних дней удушье,
Работы повседневной боль,
Жизнь, дай чуть-чуть великодушья
И праздник выплакать позволь.

ПОСЛЕДНЕЕ ТЕПЛО

Мне — упорный ветер с юга,
Нетипичный в сентябре,
Оголенная округа,
Дождик теплый на заре.

Через заросли бурьяна,
На осенние поля
Днями лист летит багряный,
Но тепло хранит земля.

Угасающее лето,
Тлеет черная трава,
Но какая память света —
Сквозь кусты и дерева!

Вот ручей струится тонко,
Входит в осень без труда.
И целует рот ребенка
Теплая еще вода.

НЕНАСТНЫЙ ДЕНЬ

Бывает, что в дожде внезапном
Раскрылся весь ненастный день.
Грибной, неповторимый запах,
Неярок свет, и зыбка тень.
Тревожно лето на излете,
Темна студеная вода.
Но только на высокой ноте
Природа, полная труда.
Возня притихших насекомых,
Неотделимы жизнь и смерть,
И безвозвратность мест знакомых
Заключена в земную твердь.
Чего бы мне не предвещали
Тревожные доселе сны,
В них нет тоски, и нет печали,
И виден мир со стороны.

Евгений ЛЕСИН

ШЕЛ ПО ГОРОДУ ВОЛШЕБНИК

* * *

Очень душно и очень страшно.
И не хочется делать зла.
Ложь — она не всегда пустяшна.
Подлость тоже. И нет угла,

Чтобы просто бежать, укрыться.
То ли совесть, а то ли тень...
Но всегда они будут виться
Где-то рядом и целый день.

Заставляют тебя? Не надо
Врать. Возьми, блин, и откажись.
Ведь должно у тебя, у гада,
Что-то быть святым. Или жизнь

Так скрутила тебя, сломала,
Так разъела твои мозги,
Что ты душу, гад, по безналу
Продал бесу? Давай беги.

Суетись. Подставляй корыто.
Дом, работа, семья, друзья.
Все нормально, все шито-крыто.
Взятки гладки. Опять ничья.

Хорошо дураку, невежде.
Ну а мне-то как быть с собой?
Остается лишь, как и прежде,
Сделав подлость, уйти в запой.

Евгений Лесин — поэт. Родился в 1965 году в Москве. Учился в Московском институте стали и сплавов, служил в Советской армии, работал инженером-технологом и химиком в котельной. В 1990-м поступил в Литературный институт имени А. М. Горького. После окончания института, с 1995 года, служил в газете «Книжное обозрение». С 2002-го — в «Независимой газете», книжном приложении «НГ — ExLibris». Автор книг «Записки из похмелья» (2000), «Русские вопли» (2005), «По кабакам и мирам» (2007, совместно с Ольгой Лукас), «Недобор» (2009, совместно с Всеволодом Емелиным), «Легенды и мифы Древней Греции» (2009) и др. Живет в Москве.

* * *

Подходит девочка: Потанцуем?
Я осчастливлю Вас поцелуем.
Я говорю: Может, лучше попляшем?
Попишем стихи, землю попашем?
А она мне в ответ: Да пошел ты!
В соседнем доме вон окна жолты.
К тому же играет рок.
Значит, дом не пустой.
Я: Тоже мне Александр Блок!
Она: Тоже мне Лев Толстой!

* * *

За скверный мир,
За нервный сон
Пошли мне спирт
И самогон.

За глупый дар,
За день и цель
Пошли мне март,
Потом апрель.

За точный счет,
За верный путь
Пошли еще
Чего-нибудь.

* * *

Шел по городу волшебник,
Совершая чудеса.
Потеряет кто учебник —
Он найдет за полчаса.

Изобьют кого-то в школе —
Он бандиту между дел
Скажет вежливо: «Доколе?»
И разбойник присмирел.

Едут в город электрички:
У людей тяжелый труд.
А за ним бегут косички,
Солнца лучики бегут.

Он берет Луну руками,
Убирает под кровать.
Вынимает лунный камень
И дает вам поиграть.

Совершают люди сделки.
Ну а с ним в любом лесу
Разговаривают белки
И приносят колбасу.

У него в любом окошке
Есть знакомые цветы.
Кошки прыгают в ладошки,
Улыбаются коты.

На траве лежит учебник,
И Луна, и колбаса.
Шел по городу волшебник,
Совершая чудеса.

* * *

Пишу стихи и плачу от стихов.
Сам от своих стихов иду и плачу.
Гляжу куда-то вниз поверх голов.
И слезы почему-то я не прячу.

Пишу стихи, точнее, не пишу,
А все-таки иду и сочиняю.
Иду навзрыд, сморкаюсь и дышу,
И ничего вокруг не понимаю.

У нас с утра скопление машин.
Приехали торговцы разной дичью.
А нам-то что? Иди себе — пиши
И головой верти своею птичьей.

Привет. Привет. До завтра. Будь здоров.
Все вертится поспешно и кромешно.
А я иду и плачу от стихов.
А то смеюсь. Над ними же, конечно.

Павел СИДЕЛЬНИКОВ

СТИХИ, КОТОРЫМ МЕСТА МАЛО

Жене — Оленьке

1.

Вернулся из армии. Жизнь, как река, потекла…
Слепым воробьем закружился в гражданской одежде,
не в силах добро отличить от незримого зла,
и сердце металось — металось в дожде и надежде.

Все та же земля под ногами, все те же леса,
но воздух казался тяжелым от прежних волнений,
и каждое утро во мне просыпалась гроза…

А ночью теперь просыпаюсь от собственной тени.

2.

Ты шла, я за тобой пошел
(как бы случайно меня вел
Господь твоими же путями).
Земля дрожала под ногами,
и сердце *о*жило во мне!

Я верил: может быть, наутро
смогу увидеть не во сне
твои взъерошенные кудри…

Казалось, что уже моя,
когда мы шли вблизи ручья.
Вода текла, и ты сказала,
что жизнь твоя течет сначала —
чиста, светла и хороша.

Павел Сидельников — поэт, эссеист. Родился в Тюмени в 2002 году. Окончил юридический факультет Российского университета правосудия. Работает юрисконсультом. Стихи публиковались в журналах «Дружба народов», «Интерпоэзия», «Новый мир», «Урал», «Сибирские огни» и др. Лауреат премии журнала «Наш современник» (2023). Член Союза российских писателей. Живет в Воронеже.

Как птица радужная, в клетке
сидела певчая душа,
а вот теперь — поет на ветке,
щебечет песню поутру.

До родника мы не дошли,
но, оттолкнувшись от земли,
расправив крылья за плечами,
мы стали быстрыми лучами —
и к небу мчались на ветру.

Как близко небо, как же рядом
ночные звезды на пути!
А мы летим одним зарядом,
почти касаясь их, почти…

3.

Звездное небо — смотри да смотри
хоть до последней на свете зари.

Но про меня, про глаза не забудь —
в них посмотри, улыбаясь чуть-чуть.

Может быть, там не отыщешь звезды —
в них отразишься сиянием ты.

Может быть, звезды закончат сиять —
небо тогда нам придется менять.

Может быть, небо сменив, наконец
место найдем и для наших сердец.

4.

…а губы сами повторили,
ведь в поцелуе нет секрета:
в предчувствии любви одной,
в смятенье, робости немой,
мы в этот миг себя забыли,
и нам явилось счастье это,

где море Чёрное — свидетель
всем нашим брошенным монетам,
как будто отданным взаймы,
и с трепетной надеждой мы
стояли, словно степь и стебель,
считая дни до встречи летом.

5.

Мы — одни на белом свете,
никого не надо нам.
Ждем и верим, словно дети,
новогодним чудесам.

Снег сошел. Растаял дворик,
где встречались мы с тобой.
В эту зиму старый дворник
выходил с лопатой в бой.

Влево снег бросал и вправо,
брал лопату, снег бросал —
он без личного состава,
как ребенок, воевал.

Он сгребал снега, как смуту,
где февральский грязный свет,
будто знал: сию минуту
ты придешь — и снега нет.

Дворник скрылся. Ты с порога
осторожно свет зажгла.
Вдруг я понял: все от Бога —
и от Бога ты пришла.

6.

Мы собирались лечь в кровать,
но что-то нас остановило…
На полке — старая тетрадь
и современные чернила.

И стало вдруг важней всего
необъяснимое волненье…
Не говори мне ничего.
Я написал стихотворенье.

7.

Мне ничего не говори,
когда стихи читаю вслух.
Словечка два, словечка три
услышь и позже повтори —
уловишь ли знакомый дух?..

— Шопеном дерево звучит?
— О, дерево звучит Шопеном!

Оно молчком себе стоит,
давно уже тихонько спит,
а ты поешь о сне блаженном.

Про дерево и про Шопена
влюбленно повторяешь вновь.

У Пушкина и у Шопена
все — музыка, все — звук рефрена:
«…и жизнь, и слезы, и любовь».

8.

Как мало места, чтобы уложить
всю страсть мою в словесное дыханье,
всю несгораемую жажду жить —
преобразить в любовное признанье.

Пускай слова — лишь отблески живых
мгновений, что становятся судьбою
для нас — шероховатых, словно стих,
когда любовь уже ведет собою
туда, где столько света впереди,
как будто утро только что настало.

Любимая, прижмись к моей груди,
услышь стихи, которым места мало…

Борис ГЛУБОКОВ

НА ВОЛШЕБНОЙ СВИРЕЛИ

* * *

Зрелость что яблоки в августе.
Сердце что бубен шаманский.
Истосковавшись по прошлому,
Всматриваешься в Тютчева строки.
Версты ушли, километры пейзажей.
Спеть в караоке
Запросто можно про то,
Что уходишь красиво.
Спелые яблоки падают.
Годы идут золотые.
Кроны берез —
Так, что щемит глаза —
Совмещаются с кобальтом неба.
Вот бы опять в догонялки сыграть,
Поиграть на волшебной свирели…

Время уходит —
И веришь:
Господь тебя примет.

* * *

Осени жизни своей, осмелев,
Прошепчи: «Капут»,
Выдавив капут мортум
Поверх бирюзы в палитру.

Борис Глубоков — поэт, прозаик, критик, журналист, художник. Родился в 1967 году в Саратове. Окончил в 1991 г. Саратовское художественное училище (живописец-педагог), в 2000 г. — Российский государственный гуманитарный университет по специальности «культурология». Публиковался как прозаик, литературный критик и график в журналах «Волга» (1993, 1998), «M-House» №№ 6,7,8 (2002), сборниках «Акмэ (Психология и антология творчества)» (2001) и «Города региона» (2003). Выпустил книгу стихов «Блики» (1998). Живет в Саратове.

Ты оказался кретин,
Хоть когда-то считал, что плут.
Поговори о жизни с осенью
На языке недлинном.

Рваными фразами,
Междометьями,
Гуканьем тяжким совы:
Не объегорить остаток себя,
Не отрулить на кривой кобыле...

К могиле вырытой, видимо,
Снится распаханная земля.
Комья осенней влажной земли —
К могиле.

* * *

Так и выходит без дураков,
Что память
Всякий ненужный хлам хранит.
Выйдешь из дому идти к пивной:
А очнешься — давно магазин «Магнит».
Вроде сидишь на скамейке
В Баттерси —
Глядь, в пятой палате
Девятой больницы залег.
Может, систему тебе
Доктор не ту прописал?
Или накрылся незримый
Системный блок,
Ведущий в аэропорт-вокзал?

Так на краю старости —
Как ойкумены
Вспять смотрит душа,
Боясь перемен.
И все реже — реально
Расфокусированна —
Отражается в бытии уже.

* * *

Стоит ли оно, чтоб вот прям мучаться?
Дойти до края, до предела дойти?
Стоицизм, самопожертвование, жертвенность
Изучаются,
А ты оторвись ото всего и лети!

Солнышко в ноябре такое трогательное,
Ласковое.
Кроны золотые чудо как хороши.
Но вот весь измучаешься,
Так и мучаешься понапрасну ты.
Прям болеешь болезнью души.

А вот если даже не стоит того,
То и что с того? Какого рожна?
Помилуйте.
Главное — лети!
Просто лети!

* * *

Выросло поколенье,
Которому история его жизни —
Что зайцу барабан
Или пятая нога.

Евгений СТЕПАНОВ

ЕСЛИ МОЖЕШЬ

ВОЛШЕБНЫЙ ПОЛЕТ

Я самоучка-чародей.
Я предан делу без остатка;
Умею воскрешать людей.
Но стоит ли? Здесь тяжко, гадко.

Молчу, терплю, взлетая над
Планетой. И лечу над нею —
Планетой горестей, утрат.
Летать я хорошо умею.

2025

ДИАЛОГ С ДАВНИМ ДРУГОМ

— А как тебе, мой друг, живется?
Ты жизни рад или не рад?
— Еще чуть-чуть — и мозг взорвется
От бед, обид, проблем, утрат.

И наблюдать за страшной бойней,
Идущей всюду, мочи нет.
— А, может, надо быть спокойней
И не хандрить в расцвете лет?

Евгений Степанов — поэт, прозаик, бард, публицист, издатель, актер, режиссер, автор полнометражных фильмов «Христос-Человечество» и «Основной вопрос». Родился в 1964 году в Москве. Окончил факультет иностранных языков Тамбовского педагогического института, Университет христианского образования в Женеве и аспирантуру МГУ им. М. В. Ломоносова. Кандидат филологических наук. Печатается с 1981 года. Публиковался в центральной периодике. Автор нескольких книг стихов, вышедших в России, США, Болгарии, Румынии, Венгрии, а также книг прозы и научных монографий. Главный редактор журналов «Дети Ра», «Зинзивер» и координатор портала «Читальный зал». Лауреат премии имени А. Дельвига «Литературной газеты» и премий журналов «Нева» и «Сура». Руководитель Союза писателей XXI века и издательства «Вест-Консалтинг». Живет в поселке Быково (Московская область).

— Не знаю. Очень тяжело мне.
Пришла пора нелучших дней.
— Я понимаю. Только помни —
Что многим горше и трудней…

2025

ИСПОВЕДЬ

Я нес земной поклажи
Груз и не бил баклуши.
Я помогал Наташе.
Я помогал Настюше.

Я жил без пустословья.
Любовь текла по венам.
А то, что не любовь, — я
Считал второстепенным.

2025

ПРОСТОРЫ

Город. Горе. Холод. Воры.
Это здесь.
Солнце. Небо. Море. Горы.
Это там.

Город. Горе. Споры. Ссоры.
Это здесь.
Солнце. Небо. Море. Горы.
Это там.

Солнце. Небо. Море. Горы.
Солнце. Небо. Море. Горы.
А не споры и не ссоры.
А не горе и не воры.

Солнце. Небо. Море. Горы.
Я надеюсь, что найду
Те заветные просторы,
Где забуду про беду.

2025

ДОРОГА

Ждешь новых бед и провокации
На жизненном своем пути.
А Бог речет тебе по рации:
— Все обойдется! Не грусти!

Есть у меня к тебе симпатия;
Однажды ты придешь ко мне.
И я приму тебя в объятия.
И будешь счастлив ты вполне.

2025

НЕСКОЛЬКО СЛОВ

Жили-были.
Ели-пили.

Вкалывали.
Пели песни.

Умерли.
Потом воскресли.

2025

ФЕЛЛИНИ. 1993

Я разлучен с родными.
Я обречен — один…
Я умираю в Риме,
Римини блудный сын.

Горе? Пройдет и горе.
Плакаться — это блажь.
Я вспоминаю: море,
Белый песочный пляж.

Я вспоминаю: лето —
Будто в киношном сне.
Худенькая Джульетта
Быстро бежит ко мне.

Память отринет драму.
Драму — в небытие.
Я вспоминаю маму:
Руки, глаза ее.

Все-то они простили,
Матушкины глаза.
Я умираю или
Есть еще полчаса?

2005

ЖИЗНЬ-И-МИГ

Я год сравню с одной минуткою —
Лет п р о л е т а е т череда.
В какую-то воронку жуткую
Жизнь утекает, как вода.

Известен Хронос безупречною
Работой. У него — аврал…
…А вот минута бесконечною
Бывает. Это я познал.

2025

ЭТО МОЕ

Я надеюсь, что все устаканится.
И, хоть время не пятится вспять, —
Что прошло, то навеки останется,
То уже никому не отнять.
…А душа, ясноокая странница,
Обратится страницей опять…

2025

СТИХОТВОРЕНИЕ, ПОСВЯЩЕННОЕ СЕБЕ САМОМУ

Понимаю: тяжелые дни.
Но мотать не спеши за рубеж.
Если можешь заснуть, то засни.
Если можешь поесть, то поешь.

Если можешь читать, то прочти —
О психушке, тюряге, войне.
И поймешь, что ты счастлив почти.
А кому-то труднее вдвойне.

Если можешь — в небесную высь
Воспари от земной суеты.
Если можешь молиться — молись.
И поймешь что-то важное ты.

2025

ОСОБОЕ ДЕРЕВО

Желтая слива глядит на Луну
Или подмигивает валуну.
Не молода, но, как прежде, красива
Инопланетная желтая слива.

Желтая слива сейчас на войне.
Желтая слива сейчас и во мне.
Молча, непафосно, неторопливо
Жить продолжает высокая слива.

Слива живет, оптимизм сохранив.
Слива рожает хорошеньких слив.
Стойко стоит средь лесного массива
Желтая, непобедимая слива.

2026

Исмаил БЕЙТУГАНОВ

НЕ ЖАЛЕЯ ДНЕЙ И СИЛ

ЗАВЕТ РОДИТЕЛЕЙ

Что было необычного в судьбе?
Что думал я не только о себе,
Не наживал врагов, добро дарил,
Работал, не жалея дней и сил.

Не хвастал я победой никогда,
Поддерживал, когда пришла беда.
Не стыдно, о, Аллах, назад взглянуть,
Я никому не перешел там путь.

Я к славе не стремился ни на миг,
Не строил козни, не сплетал интриг,
С рождения учили мать с отцом:
Не быть и в самом малом подлецом.

Перевод Нины ПОПОВОЙ

Исмаил Бейтуганов — балкарский поэт, писатель, общественный деятель. Родился в с. п. Нижний Чегем Кабардино-Балкарской Республики. Член Союза писателей России, член Союза журналистов России. Председатель Кабардино-Балкарского регионального отделения Союза писателей России — Союз писателей Кабардино-Балкарской Республики. Исмаил Бейтуганов является автором сборников стихотворений на родном языке «Атламла» («Шаги»), «Ёр жол» («Крутая дорога»), «Игилик излей» («В поисках добра»), «Ай жарыкъда» («Под лунным светом»), «Танг белгиси» («Признаки утра»), составителем литературно-художественных изданий: «Время слова», «Жанады энтта отубуз» («Вновь горит наш огонь»), «Тил — тин сакълар» («Язык — хранитель духа») и др. Стихи Исмаила Бейтуганова переводились на русский, белорусский, узбекский, башкирский, казахский, кабардинский языки. В разные годы Исмаил Бейтуганов работал редактором, ответственным секретарем литературно-художественного и общественно-публицистического журнала «Минги-Тау» («Эльбрус»), директором Центра балкарской культуры Кабардино-Балкарского государственного университета. Он является автором более 95 научных исследований и 5 патентов на изобретение.

* * *

Не делю — «хорошее», «плохое»,
Принимаю жизнь такой, как есть.
От забот нам убегать не стоит,
Стоит разум сохранять и честь.

По-другому жить я не приучен,
Так и знай, что тяжело со мной.
Если друг ты, буду другом лучшим,
Не кривя ни словом, ни душой.

Истину и правду — вот, что важно
Мне найти в товарище любом.
Только это в мире не продажно,
Это водит и моим пером.

Многие за это осуждали,
Ты, похоже, стан пополнишь их.
Кто мне внемлет, те друзьями стали,
Радостно мне быть среди своих.

Перевод Валерия ЛАТЫНИНА

* * *

Когда меня печали одолели
И мысли пробивались еле-еле,
Когда терпенье было на пределе,
Мольбы мои к Аллаху полетели.

Когда душа окутана покоем,
Когда мой день из радости построен,
Забуду ли про горькое былое
И что Аллахом блага удостоен?

Перевод Валерия ЛАТЫНИНА

Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА

«МНОГО ПРАВДЫ ГОРЬКОЙ И ПРОСТОЙ…»

(205 лет великому русскому поэту Николаю Алексеевичу Некрасову)

Что ж я не вижу следов обновленья
В бедной отчизне моей?

(«Время-то есть, да писать нет возможности…» (1876)

«…Потому что наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных».

(Еф. 6:10–12).

ЧАСТЬ 1

Великий русский поэт Николай Алексеевич Некрасов (1821–1878) оставил нам замечательное художественное наследие, имеющее не только литературную ценность, но и поразительную историческую достоверность. Некрасовское лиро-эпическое творчество при всем его эстетическом своеобразии носит характер уникального документа. Это потрясающая правда о судьбе многострадальной русской земли, о жизни русского народа-страстотерпца:

Мы надрывались под зноем, под холодом,
С вечно согнутой спиной,
Жили в землянках, боролися с голодом,
Мерзли и мокли, болели цингой.

Грабили нас грамотеи-десятники,
Секло начальство, давила нужда…
Все претерпели мы, Божии ратники,
Мирные дети труда!

Алла Новикова-Строганова — доктор филологических наук, профессор, историк литературы. Автор многих книг и публикаций.

Братья! Вы наши плоды пожинаете!
Нам же в земле истлевать суждено…
Все ли нас, бедных, добром поминаете
Или забыли давно?..
(«Железная дорога» (1864))[1]

Забывать это нельзя, невозможно. В том числе для того, чтобы не считать тот самодержавно-бюрократический строй, ту буржуазно-капиталистическую эпоху, антинародную сущность которой во всем ее безбожном безобразии раскрыл поэт.

Поделюсь своими личными впечатлениями о преподавании курса истории литературы в средней школе и в вузе на протяжении последних четырех десятилетий и о восприятии молодыми людьми разных поколений творчества Некрасова. Оно, по моим наблюдениям, никогда не вызывало ни восторга, ни особого интереса у старшеклассников и студентов. Их отношение к некрасовской поэзии было более чем сдержанным. И вот почему.

Молодым людям советского времени, которым внушалось: *«Не надо печалиться, вся жизнь впереди — надейся и жди»*,— эмоционально нелегко было читать стихи о вековечных муках и страданиях, беспросветной нужде и лишениях простого народа, об истерзанной русской земле: *«И на родимую землю мою / Все накипевшие слезы пролью…»* («Саша» (1855) — 4, 10). Советскому человеку представлялось, что все это безысходное народное горе в нашей стране навсегда ушло в прошлое. Казалось также, что это вовсе не подходящие мотивы для высокого искусства поэзии. Вместо чарующей музыки лирических излияний наподобие фетовских: *«Шепот, робкое дыханье, трели соловья…»* — стихи Некрасова наполнены иными звуками, режущими сердце и слух нестерпимой дисгармонией. Это *«звуки барабанов, цепей, топора»* (2, 152), скрипов, визгов, рыданий и стонов:

Но напрасно мужик огрызается.
Кляча еле идет — упирается;
Скрипом, визгом окрестность полна.
Словно до сердца поезд печальный
Через белый покров погребальный
Режет землю — и стонет она,
Стонет белое снежное море…
Тяжело ты — крестьянское горе!
(«Балет» (1866) — 2, 240)

По верному отзыву современного Некрасову литературного критика М. А. Антоновича, поэт «не увлекал читателя картинностью, яркостью красок и фантастическим очаровательным блеском, а скорее убеждал его трезвою, простою правдою»[2]. Сам Некрасов говорил, что в этом *«много Правды горькой и простой…»* (2, 225). Он осознавал нетрадиционную «непоэтичность» своих стихов: *«Нет в тебе поэзии свободной / Мой суровый, неуклюжий стих…»* (1, 162). Предвидя упреки в «прозаичности» основного объекта изображения в его лирике, Некрасов обращается не только к современному ему поколению, но и словно бы

к молодым людям будущего, сознавая, что им также не придется жить в процветающем мире:

Пускай нам говорит изменчивая мода,
Что тема старая «страдания народа»
И что поэзия забыть ее должна,
Не верьте, юноши! Не стареет она.
О, если бы ее могли состарить годы!
Процвел бы Божий мир!..
(«Элегия» (1874) — 3, 151)

И все же некрасовские стихи ни в коем случае нельзя назвать *«неуклюжими»*. Современник поэта, литературный критик-почвенник Аполлон Григорьев, восторгаясь высоким лиризмом стихотворений Некрасова, обращался к нему: «Поэт! Поэт! Что же Вы морочите-то нас и "неуклюжим" стихом, и "догоранием любви?" Глубокая любовь к почве звучит в произведениях Некрасова, и поэт сам искренно сознает эту любовь»[3].

Некрасовское творчество — это настоящая лирика, задушевная, чуткая, наполненная свежими, неожиданными образами. Истинные шедевры, изумительные жемчужины русского поэтического искусства — многие стихотворения и поэмы Некрасова, в том числе любимые с детства, узнаваемые: «Дедушка Мазай и зайцы», «Генерал Топтыгин», «Крестьянские дети» (отрывок «Мужичок с ноготок»), «Школьник», «Накануне Светлого праздника», «Забытая деревня» с ее рефреном *«Вот приедет барин…»*; ставшие народными песнями «Коробейники» (*«Ой, полна, полна коробушка…»*), «Тройка» (*«Что ты жадно глядишь на дорогу…»*); «Мороз, Красный нос» с гимном русской женщине *«Есть женщины в русских селеньях…»*; «Влас», у которого *«Сила вся души великая / В дело Божие ушла…»,* и другие.

Народные ходатаи за правду, с их общим на всех крестом тяжких страданий, в хрестоматийном стихотворении «Размышления у парадного подъезда» (1858) глубоко в подтексте лирической образности уподоблены распятому Христу (*«крест»* и *«кровь»*):

Загорелые лица и руки,
Армячишка худой на плечах.
По котомке на спинах согнутых,
Крест на шее и кровь на ногах,
В самодельные лапти обутых. (2, 47)

Но у власть имущих — тех, к кому идут на поклон в поисках справедливости странники,— *«на шее нет креста»*:

В груди у них нет душеньки,
В глазах у них нет совести,
На шее — нет креста!
(«Кому на Руси жить хорошо» (1878) — 5, 156)

Крестьянских ходоков с их неизбывным горем, с извечными нерешенными проблемами не допустили к высокопоставленной персоне даже на порог:

И пошли они, солнцем палимы,
Повторяя: «Суди его Бог!»,
Разводя безнадежно руками,
И, покуда я видеть их мог,
С непокрытыми шли головами… (2, 48)

Человеком «с народным сердцем»[4] справедливо называл Некрасова критик Аполлон Григорьев. В многоголосом хоре народных стонов:

За заставой, в харчевне убогой
Все пропьют бедняки до рубля
И пойдут, побираясь дорогой,
И застонут… Родная земля!

Назови мне такую обитель,
Я такого угла не видал,
Где бы сеятель твой и хранитель,
Где бы русский мужик не стонал? (2, 49) —

громко звучит стон сердца самого поэта:
Надрывается сердце от муки,
Плохо верится в силу добра,
Внемля в мире царящие звуки
Барабанов, цепей, топора.
(«Надрывается сердце от муки…» (1863) — 2, 152)

Стенания и стоны захлестнули всю русскую землю. Всеобщий стон измученного народа в финале «Размышлений у парадного подъезда» усилен многократным строфическим повтором. Анафора *«Стонет он…»* в предельном эмоционально-смысловом выражении передает великую скорбь всей народной России: *«великою скорбью народной / Переполнилась наша земля»*,— а не только частное горе каждого без исключения простого человека:

Стонет он по полям, по дорогам,
Стонет он по тюрьмам, по острогам,
В рудниках, на железной цепи;
Стонет он под овином, под стогом,
Под телегой, ночуя в степи;

Стонет в собственном бедном домишке,
Свету Божьего солнца не рад;
Стонет в каждом глухом городишке,
У подъезда судов и палат. (2, 49)

К *«властителям и судиям»* обращает поэт свой праведный гнев, когда рисует образ одного из «вершителей» судеб страны, обрекающего народ на страдания:

Не страшат тебя громы небесные,
А земные ты держишь в руках,
И несут эти люди безвестные
Неисходное горе в сердцах.

Что тебе эта скорбь вопиющая,
Что тебе этот бедный народ?
Вечным праздником быстро бегущая
Жизнь очнуться тебе не дает. (2, 48)

В своих тягостных «Размышлениях…» о будущем народа Некрасов не был оптимистичен:

Где народ, там и стон… Эх, сердечный!
Что же значит твой стон бесконечный?
Ты проснешься ль, исполненный сил,
Иль, судеб повинуясь закону,
Все, что мог, ты уже совершил,—
Создал песню, подобную стону,
И духовно навеки почил?.. (2, 49)

В социалистическую эпоху с ее чаяниями скорого светлого будущего, которое будто бы вот-вот должно наступить, нужно только еще больше усилий, ударного труда, побольше энтузиазма в строительстве коммунизма,— в эту эпоху тема беспросветных народных страданий отходила на второй план. Обществу дали надежду, поманили призрачным коммунистическим идеалом (сами основатели учения Маркс и Энгельс говорили именно о призраке: «Призрак бродит по Европе — призрак коммунизма»). Ради этого призрака люди в СССР готовы были выносить все тот же тяжкий труд на заводах и фабриках, в колхозах и совхозах, на «стройках века». И не просто самоотверженно, с полной самоотдачей, а именно радостно, окрыленно, все с той же «мечтой-идеей». Да и стихи, песни были под стать:

Я там, где ребята толковые,
Я там, где плакаты «Вперед»,
Где песни рабочие новые
Страна трудовая поет.

Когда весь Советский Союз распевал: *«Веселей, ребята, выпало нам / Строить путь железный, а короче — БАМ»*, никто не вспоминал некрасовские строки:

Да не робей за отчизну любезную…
Вынес достаточно русский народ,
Вынес и эту дорогу железную —
Вынесет все, что Господь ни пошлет!

Вынесет все — и широкую, ясную
Грудью дорогу проложит себе.
Жаль только — жить в эту пору прекрасную
Уж не придется — ни мне, ни тебе. (2, 170)

Предсказание о русском трудовом народушке, о недостижимой для него *«прекрасной поре»* сохраняет свою актуальность до сего времени. В стихотворении «Железная дорога» поэт обращался к маленькому мальчику Ване и говорил, что даже ему не суждено будет увидеть чаемого светлого будущего.

Современники поэта воспринимали его произведения как манифест революционной демократии, призыв к национально-освободительной борьбе. Некоторым читателям прежде и сейчас (хотя многие ли теперь читают Некрасова?) его стихи казались излишне назидательными, тенденциозными. Однако элемент дидактизма в лирике вызван ничем иным, как всепоглощающей любовью Некрасова к народу. В сложном эмоционально-смысловом комплексе соединялись у поэта-гражданина пламенная любовь к измученной Родине и жгучая ненависть к ее угнетателям:

И веря и не веря вновь
Мечте высокого призванья,
Он проповедует любовь
Враждебным словом отрицанья, —

И каждый звук его речей
Плодит ему врагов суровых,
И умных, и пустых людей,
Равно клеймить его готовых.

Со всех сторон его клянут
И, только труп его увидя,
Как много сделал он, поймут,
И как любил он — ненавидя!
(«Блажен незлобивый поэт…» (1852) — 1, 98)

Именно такая *«любовь-ненависть»* воодушевляла Некрасова, служила источником вдохновения, что и обусловливало неповторимое идейно-художественное своеобразие его произведений. Муза поэта на протяжении всего его творческого пути — родная сестра страдающего народа. Такой она была в 1840-е годы («Вчерашний день, часу в шестом…» (1848)):

Вчерашний день, часу в шестом
Зашел я на Сенную;
Там били женщину кнутом,
Крестьянку молодую.

Ни звука из ее груди,
Лишь бич свистал, играя…
И Музе я сказал: «Гляди!
Сестра твоя родная!» (1, 69)

Такой же *«сестрой народа»* оставалась некрасовская Муза и спустя тридцать лет, до конца 1870-х годов:

Не русский — взглянет без любви
На эту бледную, в крови,
Кнутом иссеченную Музу…
(«О Муза! я у двери гроба!» (1877) — 3, 218)

и до последнего вздоха поэта:

О Муза! наша песня спета.
Приди, закрой глаза поэта
На вечный сон небытия,
Сестра народа — и моя!
(«Музе» (1876) — 3, 183)

В романе «Три страны света» (1848) Некрасов выразил мысль о том, что всецелая увлеченность творца идеей предопределяет также высокую художественность его творения: «Когда художник до такой степени проникнут своей идеей, что не расстается с ней ни на минуту, что бы ни делал, о чем бы ни говорил,— верный признак, что произведение будет хорошо»[5]. В унисон звучат знаменитые строки некрасовской «Элегии» (1874):

Я лиру посвятил народу своему.
Быть может, я умру, неведомый ему,
Но я ему служил — и сердцем я спокоен…
Пускай наносит вред врагу не каждый воин,
Но каждый в бой иди! А бой решит судьба… (3, 151)

Духовное родство с народом, любовь к нему была не просто идеей, но являлась также глубоко личным чувством Некрасова. Это заметил и верно выразил его ровесник Фёдор Михайлович Достоевский (1821–1881): «любовь к народу была у Некрасова как бы *исходом его собственной скорби по себе самом.* <…> В служении сердцем своим и талантом своим он находил все свое очищение перед самим собой. Народ был настоящею внутреннею потребностью его не для одних стихов. В любви к нему он находил свое оправдание. Чувствами своими к народу он возвышал дух свой. <…> В любви к народу он находил нечто незыблемое, какой-то незыблемый и святой исход всему, что его мучило. А если так, то стало быть, и не находил ничего святее, незыблемее, истиннее, перед чем преклониться»[6].

Первое оригинальное произведение Достоевского — роман «Бедные люди» (1846) — было опубликовано в «Петербургском сборнике», собранном и изданном Некрасовым. «Новый Гоголь явился»,— с таким восторгом отозвался поэт о рукописи никому неизвестного тогда Достоевского, направившего свой писательский талант на защиту «бедных людей», «униженных и оскорбленных».

Их жизнь сам Некрасов знал не понаслышке. Лишенный какой бы то ни было материальной поддержки за то, что посмел ослушаться деспота-отца, прочившего сыну карьеру на военной службе, поэт уже в юности на своем собственном горьком опыте познал ужасы нищеты, голода, беспросветной нужды. Молодой человек в свои неполные 17 лет, вопреки родительской воле, летом 1838 года уехал из родного имения Ярославской губернии в Петербург, чтобы заняться в столице литературой — делом, к которому чувствовал пылкое внутреннее призвание. Но поначалу юноше пришлось вести жизнь литературного поденщика, чуть ли не раба: за жалкие гроши писать все, что только можно было хотя бы где-нибудь опубликовать.

Позднее в романе «Три страны света», написанном совместно с его гражданской женой А. Я. Панаевой, Некрасов нарисовал образ тупого, жадного и высокомерного издателя, который с презрением прогоняет нищего молодого литератора, даже не удосужившись прочитать его произведение. Без сомнения, в этой сцене унижения начинающего писателя много автобиографического: «мальчишка какой, который с голоду пишет в шестом этаже <…> Да ведь он сам виноват. Приходит бледный, мизерный такой, жмется, запинается, точно сейчас уличили его, что он платок из кармана украл… "Где вы служите?" — спрашиваю я.— Нигде,— говорит. "Какой ваш чин?" — Никакого,— говорит. <…> Ну, каков литератор? <…> — Какая же причина,— говорит,— вашего отказа? — Я рассмеялся. "Ну, какая причина? Ты, любезнейший, посмотри на себя,— говорю,— так и увидишь, какая причина"» (164–165).

В стихотворении «Праздник жизни — молодости годы…» (1855) поэт писал о себе:

Праздник жизни — молодости годы —
Я убил под тяжестью труда
И поэтом, баловнем свободы,
Другом лени — не был никогда. (1, 162)

Некрасов говорил о том времени: «Господи, сколько я работал. Уму непостижимо, сколько я работал». Но этот тяжкий труд не приносил ни морального удовлетворения, ни хотя бы скромного достатка. Некрасов вспоминал о начале 1840-х годов: «Это было самое горькое время. Ровно три года я чувствовал себя каждый день голодным. Не раз доходило до того, что я отправлялся в один ресторан, где дозволялось читать газеты, даже если ничего и не спросил для себя. Возьмешь, бывало, газету, а сам пододвинешь к себе тарелку с хлебом и ешь». Даже в морозные зимы поэт носил тонкое холодное пальто, ночевал на чердаках, на личном опыте познал жизнь петербургских трущоб.

Роман «Три страны света» открывается эпизодом, возможно, связанным с подлинной биографией Некрасова. В комнатушке главного героя Тимофея Каютина — бедного молодого дворянина — ранним утром 183* года домохозяин выставил оконную раму, пока постоялец спал, чтобы хорошенько проморозить его и таким образом понудить жильца погасить долг по квартирной плате. Множество других автобиографических реалий, даже до мельчайших деталей, также вовлекаются в повествование: «Каютин отыскал старое пальто, <…> которое, впрочем, оказалось хоть куда, только петли прорваны» (33).

Тем не менее «школа бедности» (243) не сломила Некрасова, а только укрепила его духовную решимость не оставлять избранного пути: «Я дал себе слово не умереть на чердаке. Нет,— думал я,— будет и тех, которые погибли прежде меня,— я пробьюсь во что бы то ни стало». Так же настроен его герой Каютин: «Я соберу все мои силы,— буду работать без сна и без отдыха, добьюсь, что жизнь наша будет обеспечена, счастье наше будет упрочено» (28),— клянется он любимой девушке. В прямом смысле без сна и без отдыха работал сам Некрасов: «Я, бывало, запрусь, засвечу огни и пишу, пишу. Мне случалось писать без отдыху более суток. Времени не замечаешь, никуда ни ногой, огни горят, не знаешь, день ли, ночь ли; приляжешь на час, другой и опять за то же…».

Слово, данное самому себе — выбиться из нищеты, реализовать свой талант «во что бы то ни стало»,— Некрасов сдержал:

Но с детства прочного и кровного союза
Со мною разорвать не торопилась Муза:
Чрез бездны темные насилия и зла,
Труда и голода она меня вела —
Почувствовать свои страданья научила
И свету возвестить о них благословила…
(«Муза» (1852) — 1, 100)

Он стал первостепенным поэтом, знаменитым издателем, редактором и автором легендарных журналов «Современник» и «Отечественные записки» — сверхпопулярных в России середины XIX века. В них Некрасов сумел сплотить наилучшие литературные силы страны, среди которых были Ф. М. Достоевский, И. С. Тургенев, И. А. Гончаров, А. Н. Островский, Л. Н. Толстой, М. Е. Салтыков-Щедрин.

Наконец, Некрасов заработал свой вожделенный *«миллион»*, который грезился ему еще в годы голодной юности. Некоторые отзвуки жизненного пути поэта слышны в строфах его «современной баллады» «Секрет» (1855):

Огни зажигались вечерние,
Выл ветер и дождик мочил,
Когда из Полтавской губернии
Я в город столичный входил.

В руках была палка предлинная,
Котомка пустая на ней,
На плечах шубенка овчинная,
В кармане пятнадцать грошей.

Ни денег, ни званья, ни племени,
Мал ростом и с виду смешон,
Да сорок лет минуло времени —
В кармане моем миллион! (1, 160–159)

Впрочем, в этой балладе представлена совсем другая история — предсмертная исповедь, позднее раскаяние старого богача-скряги, который нажил свое состояние воровством и грабежами.

В некрасовском творчестве показано, что это самый обычный и привычный путь первоначального сколачивания капиталов:

Где сплошь да рядом — видит Бог! —
Лежат в основе состоянья
Два-три фальшивых завещанья,
Убийство, кража и поджог!
(«Современники» (1875) — 4, 240)

ЧАСТЬ 2

Один из антигероев сатирической поэмы «Современники» с говорящей фамилией Зацепин в порыве запоздалой откровенности, когда сам же он явился причиной гибели своего единственного сына, признается:

Я — вор! Я — рыцарь шайки той
Из всех племен, наречий, наций,
Что исповедует разбой
Под видом честных спекуляций!
<…>
Где позабудь покой и сон,
Добычу зорко карауля,
Где в результате — миллион
Или коническая пуля! (4, 240)

Возвращаясь к разговору о современном восприятии поэта студентами филологического факультета (другие вряд ли читают Некрасова), надо отметить весьма показательную особенность. Нынешним молодым людям его творчество уже не кажется архаичным, устаревшим, как представлялось молодежи в советский период. Наоборот, познакомившись с поэмой «Современники» сегодня, юноши и девушки единодушно подтверждают свое впечатление некой удивительной «машины времени»: то ли мы переместились в эпоху, описанную Некрасовым, то ли он перенесся в день нынешний и является нашим современником, очевидцем происходящего в России здесь и сейчас, изображая в точности эпоху дикого капитализма.

Поэма открывается меткой характеристикой этой эпохи. Подмечено и выражено настолько верно, что некрасовские слова сразу же стали универсальной крылатой фразой:

Я книгу взял, восстав от сна,
И прочитал я в ней:
«Бывали хуже времена,
Но не было подлей». (4, 187)

В «Современниках» представлен целый свод «новейших господ». Это буржуа, капиталисты, ростовщики-банкиры, коррумпированная государственная администрация с армией жадных чиновников, сословие так называемых благородных, продавших честь и совесть ради преступной наживы:

Грош у новейших господ
Выше стыда и закона;
Нынче тоскует лишь тот,
Кто не украл миллиона. (4, 241)

Все они видят свой идеал не в России, а в «американской мечте» о быстром обогащении:

Бредит Америкой Русь,
К ней тяготея сердечно…
Шуйско-Ивановский гусь —
Американец?.. Конечно!

Что ни попало — тащат,
«Наш идеал,— говорят,—
Заатлантический брат:
Бог его — тоже ведь доллар!..» (4, 241)

Поклоняясь золотому тельцу: *«идеал их — телец золотой»* (2, 236),— истинного Бога они чтут только ханжески. Так, *«миллионщик-мукомол»*, привыкший умасливать остатки нечистой совести псевдорелигиозным благочестием, подобные советы раздает также своим преступным собратьям:

Чтобы совесть успокоить,
Поговей-ка ты постом,
Да советую устроить
Богадельный дом.

Перед ризницей святою
В ночь лампадки зажигай,
Да получше, без отстою,
Масло наливай! (4, 242–243)

В сатирической поэме изобличена целая галерея таких лихоимцев. Среди них — персонаж с весьма характерной фамилией — Савва Антихристов. Его сообщник, такой же пособник антихриста — садист-мироед, *«купчина толстопузый»* с фамилией, не менее говорящей:

Подошел и Фёдор Шкурин.
«Прочь! Не подходи!
Вместо сердца грош фальшивый
У тебя в груди!

Ты ребенком драл щетину
Из живых свиней,
А теперь ты тянешь жилы
Из живых людей!» (4, 243)

Еще один из когорты «денежных мешков» беззастенчиво бахвалится:

Уж лучше бить, чем битым быть,
Уж лучше есть арбузы, чем солому…
Сознал ты эту аксиому?
Так, стало, не о чем тужить! (4, 247)

Эти алчные, прожорливые вурдалаки, сосущие народную кровь, заглатывающие в свои адские утробы достояние и богатства России, не насытятся никогда, у них *«иные аппетиты»*:

И то уж хорошо, что выиграл ты бой…
Толпа идет избитою тропой;
Рабы довольны, если сыты,
Но нам даны иные аппетиты…

О Господи! Удвой желудок мой!
Утрой гортань! Учетвери мой разум!
Дай ножницы такие изобресть,
Чтоб целый мир остричь вплотную разом (4, 247)

Здесь и «банкиры» (4, 245), исполняющие свою *«мелодию»*. В ней подаются «толковые советы», как избежать ответственности, проворовавшемуся грабителю государственной казны:

Денежки есть — нет беды,
Денежки есть — нет опасности
<...> (4, 245)

В одной компании с грабителями и коррупционерами — видный государственный деятель, носящий личину неподкупного борца с коррупцией:

Гонитель воров беспощадный,
Блистающий честностью муж
Ждет случая хапнуть громадный,
Приличный амбиции куш! (4, 242)

Все они чувствуют себя героями, *«триумфаторами»* (глава «Юбиляры и триумфаторы»), торжествующими «блестящую победу» в ограблении России:

Мелькают крупные слова:
«Герою много лет…»
«Ликуй, Орёл!..» «Гордись, Москва!»
«Бердичеву привет…» (4, 188)

Ужасающе омерзительны паразитирующие на жизни страны и народа эти ликующие упыри. Общения с ними надо чуждаться, подобно тому, как следует избегать малейшего соприкосновения с ядовитыми гадами:

Прочь! Гнушаюсь ваших уз!
Проклинаю процветающий,
Всеберущий, всехватающий,
Всеворующий союз!.. (4, 245)

«Струны карающей лиры» (2, 231) в оригинальной мозаике поэмы задевают и *«военных чинов»*, и *«статских тузов»*, и *«безличную сволочь салонов»* (2, 232) — *«Общество пестрое: франты, гусары, / И генерал, и банкир, и кулак»* (4, 204) — всех, у кого на уме только деньги, нажива, капитал, стремление к безумной роскоши:

Каждый графом живет:
Дай квартиру в пятьсот,
Дай камин и от Тура кушетку.
Одевает жену —
Так, что только ну, ну!
И публично содержит лоретку!
(«Финансовые соображения» (1861) — 2, 102)

В поэме «Балет» (1866) Некрасов изобличает тлетворную атмосферу духовно-нравственного разложения, распада человеческих связей, физического вырождения:

Разорило чиновников чванство,
Прожилась за границею знать,
Отчего оголело дворянство,
Неприятно и речь затевать! (2, 233)

Всеобщая продажность как следствие маниакальной одержимости идеей обогащения любыми путями доходит до крайних пределов. Даже молодые люди — и юноши, и барышни — готовы выставлять себя, свою юность на продажу. Но богатых дряхлых покупателей — охотников до такого «товара» — еще требуется поискать:

Тщетно юноши рыщут по балам,
Тщетно барышни рядятся в пух —
Вовсе нет стариков с капиталом,
Вовсе нет с капиталом старух! (2, 233)

Солидные капиталы в России, конечно, есть. Только сосредоточены они в руках у немногих:

Есть в России еще миллионы,
Стоит только на ложи взглянуть,
Где уселись банкирские жены,—
Сотня тысяч рублей, что ни грудь! (2, 235)

Потребительским товаром также становится женская красота.

Позавидуй! Эффект чрезвычайный!
Бриллианты, цветы, кружева,
Доводящие ум до восторга,
И на лбу роковые слова:
«Продается с публичного торга!»
(«Убогая и нарядная» (1857) — 2, 40)

Представительницы прекрасного пола, напрочь лишенные возвышенных чувств, мечтают не о любви, а том, как бы продать свою красоту подороже:

Вообще в бельэтаже сияло
Много дам и девиц красотой.
Очи чудные так и сверкали,
Но кому же сверкали они?
Доблесть, молодость, сила — пленяли
Сердце женское в древние дни.
Наши девы практичней, умнее,
Идеал их — телец золотой. <...> (2, 236)

Со времени создания этих некрасовских произведений с их социально-политической аналитикой словно ничего не изменилось. Поэт живет в двух эпохах: в конце XIX-го века и в веке XXI-м. По-прежнему в России:

Администрация — берет
И очень скупо выпускает,
Плутосократия дерет
И ничего не возвращает
(«Что нового?» — 3, 221)

Все так же страна в глубоком финансовом кризисе:

Из столиц каждый час
Весть доходит до нас
Про какой-то финансовый кризис.
Эх! Вольно ж, господа,
Вам туда и сюда
Необдуманно деньги транжирить.
(«Финансовые соображения» (1861) — 2, 100)

Процветания, обновления народной жизни к лучшему не замечается нигде и, по всей видимости, ждать его в скором будущем глупо:

Что ж я не вижу следов обновленья
В бедной отчизне моей?
(«Время-то есть, да писать нет возможности…» (1876) — 3, 173)

Тех, кто ратует за идеалы *«любви, свободы, мира»*, в *«век крови и меча»* становится все меньше:

Где вы — певцы любви, свободы, мира
И доблести?.. Век «крови и меча»!
На трон земли ты посадил банкира,
Провозгласил героем палача…
(«Поэту (*Памяти Шиллера*)» (1874) — 3, 166)

При таком социально-политическом устройстве, когда *«Душно! Без счастья и воли / Ночь бесконечно длинна. / Буря бы грянула, что ли? / Чаша с краями полна!»* (3, 64), — культивируются провокации, доносы, предательство:

В наши дни одним шпионам
Безопасно, как воронам
В городской черте.
(«Праздному юноше» — 3, 225)

Люди, неравнодушные к судьбе Родины и народа, практически лишены возможности собраться с силами. Поле деятельности для честных и активных ограничено репрессивными механизмами, запущенными властью в полную силу:

За желанье свободы народу
Потеряем мы сами свободу,
За святое стремленье к добру,—
Нам в тюрьме отведут конуру.
(«За желанье свободы народу…» — 3, 228)

Боль об истерзанном народе и о замученных его защитниках наполняется в некрасовской лирике молитвенным пафосом:

Войди! Христос наложит руки
И снимет волею святой
С души оковы, с сердца муки
И язвы с совести больной…
Я внял… я детски умилился…
И долго я рыдал и бился
О плиты старые челом,
Чтобы простил, чтоб заступился,
Чтоб осенил меня крестом
Бог угнетенных, Бог скорбящих,
Бог поколений, предстоящих
Пред этим скудным алтарем!
(«Тишина» (1857) — 4, 52)

Это общая молитва с народом — *едиными усты и единым сердцем*:

Все население, старо и молодо,
С плачем поклоны кладет,
О прекращении лютого голода
Молится жарко народ.

Редко я в нем настроение строже
И сокрушенней видал!
«Милуй народ и друзей его, Боже! —
Сам я невольно шептал. —

Внемли моление наше сердечное
О послуживших ему…
Об осужденных в изгнание вечное,
О заточенных в тюрьму,

О претерпевших борьбу многолетнюю
И устоявших в борьбе,
Слышавших рабскую песню последнюю,
Молимся, Боже, Тебе».
(«Молебен» (1876) — 3, 181)

В стихотворении «Пророк» (1874) Некрасов создал идеальный образ выдающегося общественного деятеля — отважного борца со злом и с несправедливостью. Это не портрет Н. Г. Чернышевского (как учили в советской школе), а поэтическое выражение гражданского идеала. Однако земной путь такого пророка, отважно несущего заповеди Христа, — это крестный путь. Он исполнен страданий, заканчивается трагически, подобно земному пути Господа на Голгофе:

Его еще покамест не распяли,
Но час придет — он будет на кресте;
Его послал Бог гнева и печали
Рабам земли напомнить о Христе. (3, 154)

Лирического героя некрасовской поэзии восхищает способность к самоотверженному служению Истине. Эта судьба представляется возвышенной и завидной:

Есть времена, есть целые века,
В которые нет ничего желанней,
Прекраснее — тернового венка…
(«Мать» (1868) — 3, 62)

Но в себе самом поэт не находил достаточно сил, чтобы разделить такую судьбу. Оттого испытывал он настоящую духовную скорбь, постоянные укоры совести:

Узы дружбы, союзов сердечных —
Все порвалось: мне с детства судьба
Посылала врагов долговечных,
А друзей уносила борьба.

Песни вещие их не допеты,
Пали жертвой насилья, измен
В цвете лет; на меня их портреты
Укоризненно смотрят со стен.
(«Скоро стану добычею тленья…» (1876) — 3, 176)

Некрасову всегда казалось, что для Родины и народа он сделал слишком мало — и в творческом плане, и в общественно-политической жизни: *«Мне борьба мешала быть поэтом,/ Песни мне мешали быть бойцом»* («З<и>не» (1876) — 3, 175). Наделенный даром неумол-

кающей совести, он скорбел и *«по себе самом»* (согласно чуткому замечанию Достоевского), по своему собственному несовершенству:

Любовь и Труд — под грудами развалин!
Куда ни глянь — предательство, вражда,
А ты молчишь — бездействен и печален,
И медленно сгораешь от стыда.

И Небу шлешь укор за дар счастливый:
Зачем тебя венчало им оно,
Когда душе мечтательно-пугливой
Решимости бороться не дано?..
(«Поэту» (1877) — 3, 302)

Зинаида Гиппиус в работе «Загадка Некрасова» (1938) справедливо и тонко отмечала, что поэту «был послан великий дар — Совесть, если в песнях его плачет она, и ею терзались его душа и тело. Не она ли подсказала — не уму, а сердцу его, что не нужно оправданья, нужно прощенье?»[8]

Пусть не забывают об этом те *«радетели»*, которые даже и сегодня пытаются чернить имя великого Поэта, жонглируя фактами его частной жизни и оставляя в стороне его творческий подвиг:

Много, я знаю, найдется радетелей,
Все обо мне прокричат,
Жаль только, мало таких благодетелей,
Что погрустят да смолчат.
(«Угомонись, моя Муза задорная…» (1876) — 3, 177)

К *«остервенелой толпе»* злопыхателей, готовых побивать камнями за каждый нетвердый шаг или неверный *«лиры звук»*, но забывающих о Христовой заповеди: *«кто из вас без греха первый брось <...> камень»* (Ин. 8: 7), обращался Некрасов в стихотворении «Зачем меня на части рвете…» (1867): *«Не оправданий я ищу, / Я только суд твой отвергаю»* (3, 45).

«Некрасов никогда, ни перед кем и ни в чем, не оправдывался: он только просил прощенья. Родине, друзьям, врагам, любимой женщине он говорил "прости"! "Прости" было и последним, невнятно прошептанным словом его перед кончиной»[9]. Как лирическое заклинание звучит шедевр некрасовской любовной лирики из «Панаевского цикла» стихотворений:

Прости! Не помни дней паденья,
Тоски, унынья, озлобленья,—
Не помни бурь, не помни слез,
Не помни ревности угроз!

Но дни, когда любви светило
Над нами ласково всходило
И бодро мы свершали путь,—
Благослови и не забудь!
(«Прости» (1856) — 2, 30)

Еще в ранней молодости поэт задумывался о том, как совершится последний исход от земной жизни. В юношеский сборник стихотворений Некрасова «Мечты и звуки» было включено послание «Смерти» (1838). 17-летнему поэту мечталось, чтобы при переходе к *«жизни неземной»* душа была свободной от греховной суетности, молитвенно настроенной, чистой:

Не приходи в часы волнений,
Сердечных бурь и мятежей,
Когда душа огнем мучений
Сгорает в пламени страстей. <…>

Приди ко мне в часы забвенья
И о страстях и о земле,
Когда святое вдохновенье
Горит в груди и на челе; <…>

Когда я мыслью улетаю
В обитель к Горнему Царю,
Когда пою, когда мечтаю,
Когда молитву говорю.

Я близок к Небу — смерти время!
Нетруден будет переход;
Душа, покинув жизни бремя,
Без страха в Небо перейдет… (1, 188–189)

Спустя 40 лет после этих стихов жизненный круг замкнулся. Прежде чем перейти в жизнь вечную (Ин. 12: 50), Некрасов претерпел длительное мучительное умирание от тяжелой болезни:

Двести уж дней,
Двести ночей
Муки мои продолжаются;
Ночью и днем
В сердце твоем
Стоны мои отзываются («З<и>не» (1876) — 3, 179)

В перерывах между приступами нестерпимой боли поэт и на смертном одре продолжал творить. Его цикл «Последние песни» (1876–1877) — это не только хроника течения смертельной болезни, физических и нравственных мучений страдальца:

Непобедимое страданье,
Неутолимая тоска…
Влечет, как жертву на закланье,
Недуга черная рука. (3, 203)

Здесь слышится и своеобразное «самоотпевание» поэта:

Скоро стану добычею тленья.
Тяжело умирать, хорошо умереть;
Ничьего не прошу сожаленья,
Да и некому будет жалеть. (3, 176)

В полный голос звучат мотивы исповедальные, покаянные:

О Муза! я у двери гроба!
Пускай я много виноват,
Пусть увеличит во сто крат
Мои вины людская злоба —
Не плачь! Завиден жребий наш <…>
(«О Муза! я у двери гроба!..» (1877) — 3, 218)

В то же время Некрасов сохраняет стойкость и мужество, проявляет необыкновенную силу духа:

Борюсь с мучительным недугом,
Борюсь — до скрежета зубов…
О Муза! ты была мне другом,
Приди на мой последний зов!

Уж я знавал такие грозы;
Ты силу чудную дала,
В колючий терн вплетая розы,
Ты пытку вынесть помогла.
(«Вступление к песням 1876–1877 годов» — 3, 184)

С исключительным лирическим проникновением обращается поэт к Родине, которой служила его Муза, смиренно испрашивая прощения: *«За каплю крови, общую с народом, / Мои вины, о Родина! прости!..»* (3, 41) — и последнего благословения:

Много истратят задора горячего
Все над могилой моей.
Родина милая, сына лежачего
Благослови, а не бей!..
(«Угомонись, моя Муза задорная…» (1876) — 3, 177)

«Венец любви, венец прощенья, / Дар кроткой Родины твоей…» («Баюшки-баю» (1877) — 3, 204) поэту был ниспослан.

Поразительно, что похоронные мотивы «самоотпевания» слились у Некрасова с мотивами оптимистичными, жизнеутверждающими:

Устал я, устал я… мне время уснуть,
О Русь! ты несчастна… я знаю…
Но все ж, озирая мой пройденный путь,
Я к лучшему шаг замечаю.
(«Устал я …» (1877) — 3, 217)

Торжествующий голос поистине пасхального Воскресения, победного возрождения также в полную силу звучит в «Последних песнях» Некрасова:

Так запой, о поэт! Чтобы всем матерям
На Руси на Святой, по глухим деревням,
Было слышно, что враг сокрушен, полонен,
А твой сын — невредим, и победа за ним,
Не велит унывать, посылает поклон.
(«Так запой, о поэт!..» (1877) — 3, 212)

В вершинном произведении своего творчества — эпической поэме «Кому на Руси жить хорошо», которую поэт писал до последних дней своих, но она так и осталась незавершенной, Некрасов создал удивительно яркий и цельный образ русского народа — не только мученика и страстотерпца, но и могучего богатыря, исполненного физических и духовных сил, истинного христианского духа свободы. Таков столетний Савелий, богатырь святорусский:

Уйдет в свою светелочку,
Читает Святцы, крестится,
Да вдруг и скажет весело:
«Клейменый, да не раб!»… —

весьма поучительный образ для затейников современных «меток», «штампов», «кодов», возжелавших поставить на людей рабское «клеймо», как на товар.

Горячую веру в силу и мощь русского народа, в счастливое будущее России: *«Свободной, гордой и счастливой / Увидишь родину свою»* (3, 204) — выразил Николай Алексеевич Некрасов:

Еще народу русскому
Пределы не поставлены:
Пред ним широкий путь!

Будем верить и мы…

Примечания

1. Некрасов Н. А. Железная дорога // Некрасов Н. А. Собр. соч.: В 15 т. — Л.: Наука, 1981– 2000. — Т. 2. — С. 169–170. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием тома и страницы.
2. Антонович М. А. Несколько слов о Николае Алексеевиче Некрасове, 1878//Русская критика XVIII–XIX веков. — М.: Просвещение, 1978. — С. 381.
3. Григорьев А. Стихотворения Н. Некрасова // Григорьев А. Литературная критика. — М.: Худож. лит., 1967. — С. 486.
4. Там же. — С. 458.
5. Некрасов Н. А., Панаева А. Я. Три страны света. — Курск, 1960. — С. 243. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием страниц.
6. Достоевский Ф. М. Дневник писателя за 1877 год. Глава вторая, I, IV // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. — Т. 26. — Л.: Наука, 1984. — С. 123–126.
7. Англия. — Примечание Н. А. Некрасова.
8. Гиппиус З. Н. Загадка Некрасова // Гиппиус З. Н. Арифметика любви (1931–1939). — СПб.: Росток, 2003.
9. Там же.

Иосиф РУХОВИЧ

ИСПОЛНИТЕЛЬСКОЕ МАСТЕРСТВО ЧИТАТЕЛЯ

«Стихи останутся рифмованными строчками — звучными, прекрасными, но все же строчками, то есть словесностью, если вы не сможете обогатить их собственными переживаниями».

Е. Г. Эткинд

В 1964 году вышла очень небольшим тиражом тоненькая брошюра Ефима Эткинда «Об искусстве быть читателем», тут же ставшая библиографической редкостью. Но Эткинд на этом не остановился и написал очень интересные, объемистые и познавательные книги «Материя Стиха» и «Проза о стихах». Горячо их рекомендую читателям. Время идет, появляются новые работы, но такие книги не устаревают — в них собственный неповторимый взгляд образованного и умного человека. Кто еще вам нужен в качестве собеседника, дорогой читатель?

В шестидесятых годах интерес к чтению в нашей стране был огромен, и работы критиков, литературоведов, писателей позволяли повысить понимание изящной словесности, расширить круг чтения, открыть бесконечные просторы литературы.

Увы, в наше время интерес к чтению катастрофически падает, и требуется уже не только интересно рассказать о прочитанном, но и побудить к чтению, показав и доказав, что, как говорил Иосиф Бродский: *«Человек то, что он читает».* Читателю необходимо осознать влияние искусства не только на его духовную сферу, на чувство прекрасного, на гармонию окружающего мира, но и на экономику. Причем самым решительным образом.

Вот с этой целью я и предпринял попытку показать, что читать надо обязательно, и этому должно и можно научиться.

Искусство — процесс, проходящий в очень неопределенном времени. Иногда создание произведения затягивается на годы и даже десятилетия, а признание нередко откладывается на века. Но в любом случае, чтобы искусству *быть,* оно должно *состояться.* Для этого многое нужно, но совершенно необходимы как минимум три составляющие: автор — произведение — читатель. Читатель в самом широком смысле — потребитель. Но это слово применительно к искусству отдает самыми негативными оттенками, и мы его употреблять не будем. Тем более, что искусство говорит на художественных языках, которые читаются.

Первым двум составляющим триады — автору и произведению — традиционно уделяется самое пристальное внимание, порой с деталями, отношения к делу не имеющими. Например, литературоведы любят копаться в родословной писателя до прадедов и даже

Иосиф Рухович — поэт, прозаик, литературовед. Автор многих книг и публикаций. Член Союза писателей XXI века с 2024 года. Живет в поселке Томилино (Московская область).

раньше. Нередко писатель сам о них не знал. А произведения сопоставляют со «Словом о полку Игореве» и даже с шумерской клинописью. В виду огромного количества печатных работ на эту тему останавливаться не будем. Хотя бывает очень интересно и любопытно. Так что, кто желает…

А вот о читателе… Об этой священной корове литературного процесса пишут редко, а если и упоминают, то в самых осторожных и почтительных тонах — читатель принял, читатель не принял, читатель выразил неудовлетворенность, пожелания и так далее. Хотя читатель существо молчаливое, собственной трибуны не имеющее, а если и добирается до печатных страниц в виде так называемых писем, то это уже и не рядовой читатель, а в какой-то степени критик. Нет, читатель голосует другим, но самым решающим образом — покупает или нет. А если не покупает, не ходит в библиотеки, галереи, театры и так далее, то автору худо. И дело не только в деньгах, хотя жить на что-то надо, но если текст не читается, то акт искусства по нашей формуле не состоялся. Такие удары переносятся очень тяжело, а нередко даже и не переносятся.

Так что с читателем нужно быть крайне осторожным, ни в коем случае не дразнить его, не обзывать обывателем, а лучше всего льстить и заигрывать. А то не купит…

Но автор этих строк не рассчитывает на массового читателя и хочет поговорить откровенно, без оглядки. В конце концов, и авторам неплохо бы знать, с кем имеют дело, да и читателю взглянуть на себя со стороны полезно.

В принципе, приведенная формула подразумевает равенство крайних членов: читатель равен автору. Но это трудно себе представить, разве что читатель сам автор. В большинстве случаев неравенство. Если автор значительно больше, то читатель может запутаться, не понять — скучно и досадно. Если же наоборот — неинтересно... Разве что улыбка превосходства. Нормально, когда автор разбирается несколько лучше, но читатель, совершив интеллектуальное или сердечное усилие способен понять и догнать... Вот тогда читатель, потрудившись, становится образованнее, умнее и получает истинное наслаждение.

Но мы рассматриваем читателя, которого называют хорошим. То есть читающий, думающий, разбирающийся и получающий наслаждение от своих художественных открытий. А вот как быть с не- или малочитающими? С теми, кто если и берет книжку, то с явно утилитарной целью — отдохнуть, провести время, развлечься, наконец. О которых пел Александр Галич: *«И в свободный часок на полчасика / Я прилег позабавиться классикой»*. Можно ли ему если не доказать, то хотя бы показать *материальную пользу* искусства? Другими словами, если говорить прямо, зачем оно ему? И можно ли прожить без него?

Этим вопросом задался еще в XIX веке автор «Войны и мира» в трактате «Что такое искусство?». Ответить на свой вопрос Лев Николаевич не смог *(см. мою статью «Лев Толстой как зеркало социалистического реализма»),* несмотря на десятки приведенных определений больших умов человечества. И фактически пришел к выводу, что искусство не такое уж важное дело и насчет требующихся жертв стоит хорошенько подумать. Но попытался систематизировать функции искусства:

1. Духовное возвышение.
2. Коммуникативная функция

3. Просветительская функция.
4. Воспитательная функция.
5. Эстетическая функция.

Но раз нельзя дать однозначного определения, а я считаю это открытием Толстого, мимо которого он прошел, то трудно ответить и на вопрос — зачем оно. Для развлечения? Причем богатых, замечает Толстой. А не правильней ли, размышляет великий писатель, будет заняться полезным очистительным трудом? Выращивать собственными руками на собственном огороде полезные корнеплоды и другие радующие глаз и желудок растения.

Чуть-чуть отвлечемся. Нельзя не восхититься восхищением великого писателя физическим трудом. Страницы описания косьбы Левина, на мой взгляд, не имеют себе равных в мировой литературе. Просто ода коллективному труду! Так и хочется самому взять кривую, поблескивающую росой и солнцем тонкую сталь на деревянной палке, направить оселком и махать, махать до посинения на вольных травах!

Но что-то подсказывает — без искусства мы бы до сих пор вручную косили, чего не делаем теперь даже на наших приусадебных участках, предпочитая электрическую газонокосилку. И ковыряли бы землю деревянной лопатой. И вряд ли бы сытно жили.

Но как искусство помогает пахать, сеять и косить? Как это зависит от читателя? Другими словами, как чтение художественной литературы побуждает и определяет прогресс, в том числе и технический?

Прежде чем вплотную заняться читателем, зададим себе вопрос — для кого пишет автор? Казалось бы, ответ очевиден — для читателя. В советское время, в разгар социалистического реализма, мы были твердо уверены, что автор инженер человеческих душ и творит исключительно для народа, чтобы сделать его лучше, добрее, умнее и так далее — см. функции искусства.

Этот миф прочно укоренился в сознании не только обывателя, но даже и писателей — коммерческого и идеологизированного толка. У них даже появилось определение своему труду — *проект*. Но мы не станем сейчас рассматривать эти виды квазиискусства. Как-нибудь в другой раз. Жанр не виноват и всегда можно ожидать талантливых исполнителей, превращающих маргинальное искусство в настоящее. Как, например, Юрий Норштейн обратил детские мультики в настоящее киноискусство. Или художник Альфонс Муха, превративший плакат и афишу в тонкую и многозначную живопись.

Нет, писатель пишет для себя и о себе. В процессе написания он углубляется в кладовую — от слова «клад» — своей души и откапывает себя в самых глубинных проявлениях. Возникают целые миры, которые становятся правдивыми и осязаемыми до дрожи. Эти миры пересекаются с так называемым реальным миром и открывают в нем черты, о которых мы даже не подозревали. В процессе писания он вдохновлен, то есть почти свободен в своих действиях и позволяет своим героям, поселившимся в его голове и сердце, жить полнокровной и свободной жизнью. И пока пишет — не может, да и не должен думать, кто и как прочтет его открытия.

Но когда миры созданы и оторвались от писателя, он остро нуждается в читателе. Да, писал-то он для себя и о себе, а вышел далеко за пределы своей личности, и затронутые им проблемы человеческой жизни волнуют очень многих.

И писатель бывает не понят и читатель сбит с толку, но это и есть жизнь произведения, которая меняется вместе с восприятием читателя. И это нормально. И это хорошо. Плохо и даже ужасно, когда произведение не замечено или жизнь его очень коротка.

Надо сказать, что авторы прекрасно сознают глубокое, а порой и неразрешимое, противоречие между созданием и жизнью своего произведения. Пока пишет, он царь и бог своих текстов. Но когда поставлена последняя точка, может только бессильно наблюдать, как живет, взрослеет, стареет и умирает дело его рук. И даже сомневаться в своем выстраданном произведении. Как писал Арсений Тарковский:

Стихи попадают в печать,
И в точках, расставленных с толком,
Себя невозможно признать
Бессонниц моих кривотолкам.

И это не книга моя,
А в дальней дороге без весел
Идет по стремнине ладья,
Что сам я у пристани бросил.

Многие авторы весьма горько высказывались на эту тему, как бы смиряясь с неизбежностью. Вот стихи замечательного, увы, недооцененного поэта, надолго отлученного от русского читателя, Владислава Ходасевича:

Люблю людей, люблю природу,
Но не люблю ходить гулять,
И твердо знаю, что народу
Моих творений не понять…

А вот главный голос нашей литературы, Александр Сергеевич Пушкин, доводит мысль до афоризма:

Позвольте просто вам сказать:
Не продается вдохновенье,
Но можно рукопись продать.

А устно и в письмах заявлял еще прямее: «Пишу для себя, печатаю для денег».

Но это об авторах. Разделяя их радости и печали, мы понимаем, что все муки творчества они взвалили на себя и хорошо выполненное дело вознаграждает сторицей. Писатель чувствует свою ответственность и обязанность раскрыть миру глаза и готов даже жизнь положить за это.

Но читателя как будто ничто не заставляет читать. Дело добровольное. Так должен он читать или нет?

Оставим пока в стороне философские функции искусства. Эти категории носят *качественный* характер и не слишком убеждают скептиков. Но есть и другие способы поднабраться духовности или эстетики. Родительские наставления, детсадик, школа… И, вообще, образовательный процесс в самом широком смысле этого слова.

Попробуем подобраться с другого конца.

Искусство неотделимо от языка, которым разговаривает. Этот язык назовем *«художественный»*, на котором мы пишем и общаемся. Чтобы не повторяться, отсылаю к своей статье «Почему велик русский язык» в одноименной книге размышлений писателя. Здесь же приведу определение:

Художественный язык есть динамическое взаимодействие всех частей устной и письменной речи, деталей, слов, звуков, возникающих в нашем восприятии и порождающие бесконечное фрактальное множество смыслов. Это взаимодействие со всей прошедшей, настоящей и будущей культурой. Это и взаимодействие со всем жизненным и культурным опытом человека.

Данное определение расходится с бытующими дефинициями. Такими как: *«Художественный язык — это разновидность литературного языка, которая используется в художественных произведениях для создания образной, эмоционально насыщенной речи. Можно сказать, что это «язык литературы» со своими уникальными чертами и приемами»*. Или (от Википедии): *«Художественный язык — это искусственный язык, созданный для эстетического и фонетического удовольствия»*.

Вообще, слово «художественный» в нашем сознании накрепко связано с искусством, отделяя разговорный язык. То есть говорим мы на первичном языке, языке общения или коммуникации, а художественным занимаются художники. Еще раз отсылаю к статье «Почему велик русский язык», в которой развенчивается этот прочно укоренившийся миф.

Отметим главные свойства художественного языка.

Прежде всего — художественный язык ведет себя как существо одушевленное, живое. Он развивается и меняется со временем. И даже меняет смысл произведения. Вспомните ваше понимание «Войны и мира» в школе и в сорокалетнем возрасте.

Важно понимать, что в художественном произведении мы понимаем не только *написанное*, но и *ненаписанное,* несказанное, неизложенное, а, может быть, и не могущее быть изложенным на первичном языке. Отсюда — художественный язык многозначен. То есть на ограниченном пространстве текста произведения или устной речи передается огромное, если не бесконечное, количество информации, которую мы читаем сердцем и умом.

Художественный язык объемлет все составные части — первичный коммуникативный разговорный язык и искусственный научный. Обратное места не имеет. При этом художественный язык всеобщ и в тоже время индивидуален для каждого читателя. Следует подчеркнуть, что все народы мира общаются на собственном художественном языке в меру его развития. Первичным языком Творец наградил все живое, даже растения. Разница здесь количественная, хотя и огромная. А вот художественным языком Творец наделил только человека, *«генетически отличая его от зверья»*.

И самое главное. Художественный язык является основой мышления человека. Как писал немецкий философ Людвиг Витгенштейн: *«Границы моего языка означают границы моего мира»*.

Если принять эту концепцию, а я не вижу серьезных возражений в доступной мне печати, то следует признать, что развитость языка есть и широта мышления. А это уже нечто *материальное*. Ум сказывается не только на чтении, но и на практической деятельности человека. Только образованные читатели достигают вершин в своей профессии. В биографиях выдающихся деятелей вы всегда обнаружите увлечение искусством. Традиционный пример — Эйнштейн и скрипка. И тот же Эйнштейн заявлял, что Достоевский для него важнее, чем Гаусс.

А вот пример выдающегося физика Вернера Гейзенберга. Работа по квантовой механике потребовала чрезвычайного напряжения. И Гейзенберг в самый ответственный момент удалился на практически необитаемый остров, не взяв с собой ничего лишнего. Только перо и бумагу. Единственное исключение он сделал для томика Гёте. И я думаю, что автор «Фауста» вполне может претендовать на соавторство в квантовой механике.

За развитие языка и мышления отвечает прежде всего искусство. Попросту говоря, читающие умнее не читающих. Впрочем, мы об этом догадываемся уже тысячи лет. Естественно, что развитость художественности, а стало быть и мысли, разная. Для всех и каждого. Даже для целых народов. И с ростом понимания художественного языка растет и развивается мысль. Вы чувствуете свою ответственность, дорогой читатель?

Люди просто обязаны читать! И не только для того чтобы умнеть, это само собой, но хотя бы для того, чтобы не тупеть. Каждое новое произведение или новое прочтение старого движет художественный язык вперед и никоим образом отставать нельзя — поглупеешь. Как сказал Иосиф Бродский: *«Не читая стихов, общество опускается до такого уровня речи, при котором оно становится легкой добычей демагога или тирана»*. Что мы и видим на примере многих стран и их элит. Да и нашей страны уже коснулась эта зараза.

Вот мы и добрались до читателя, которого обязали читать. Важно подчеркнуть: читателем не рождаются, читателем становятся, постигая непрерывно изменяющийся и развивающийся художественный язык. А это не такое простое занятие. Как писал в конце жизни великий поэт и читатель Иоганн Вольфганг Гёте: *«Эти наивные люди не знают, сколько требуется времени и усилий, чтобы научиться читать. Мне понадобилось на это восемьдесят лет, а все же я и сейчас не решусь сказать, что достиг цели».*

Конечно, слова Гёте не следует понимать буквально. Читать художественный язык он, безусловно, мог, что блестяще демонстрировал и в стихах, и в прозе, и в статьях. А в приведенном высказывании выражает удивление, если не потрясение, что прочитать и понять *до конца* не может...

Причем это характерно не только для читателей, но и для писателей. Вот как выражает это состояние Писатель из сценария «Сталкер» братьев Стругацких: *«Я эту самую истину выкапываю, а в это время с ней что-то такое делается… Выкапывал я истину, а выкопал кучу дерьма».* Ну, положим, не всегда «дерьма», оставим это на совести раздраженного Писателя, но сейчас важно другое. Писал Писатель что-то свое, может быть, даже заветное, а написалось другое, удивляющее его самого. Как так? Он что, не хозяин своему Слову?

И да, и нет. Слово пишет автор, а вот что оно означает на художественном языке для читателя, для общества, для эпохи уже решать не ему. Недаром Иосиф Бродский говорил, что *«Поэт инструмент языка»*. Вместе с общеизвестным противоположным завязывается сложное семантическое, или, проще говоря, смысловое, поле с очень широкими границами.

Великий поэт и философ Фёдор Иванович Тютчев пророчески писал:

Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется

Не дано… Ни писателю, ни читателю. Ибо художественный язык взаимодействует с очень широким, если не безграничным, полем человеческого существования, обретая все новые и новые смыслы.

Теория искусств в настоящее время открывает исключительные возможности художественного языка. Блестящий пример взаимодействия авторского текста с окружающим миром приведен в замечательной книге Александра Волошинова «Математика и искусство» на стр. 343–344, к которой отсылаю читателя. В ней даны графические представления, названные Цветком и Розой Лотмана, возможного взаимодействия читателя и его культурной эпохи, а также инобытие текста — нераскрытые автором и читателем бесконечные пласты авторского текста, которые Времени еще предстоит понять. А Время работает прямо на наших глазах. В самом деле, разве во многом совпадает наше понимание «Евгения Онегина» с читателями девятнадцатого века? И даже двадцатого?

Андрей Битов придумал замечательную метафору взаимоотношений читателя с художественным языком. Он сравнил чтение с исполнением музыкального произведения. Что представляет собой произведение композитора? Какие-то значки на неживой бумаге. И только исполнитель делает музыку *вещественной*, переводя ее, руководствуясь теми самыми значками, в слышимый диапазон. Причем делает это только так, как может он один, так, как понял именно он замысел композитора. И мы ценим не только композитора, но и неповторимую индивидуальность исполнителя.

Не так ли с книгой с полкилограмма весом, с бездушной бумагой со значками? И только читатель превращает ее в своем воображении в одушевленное существо. То есть читатель является исполнителем книги. Единственным!

Да, единственным. И не только собственным прочтением, но и буквально, физически — с книгой один на один. И в этом глубокое отличие от других жанров искусства, в которых исполнение, как правило, — для многих, вплоть до вместительных стадионов. Трудно себе представить, замечает Битов, Рихтера, играющего для одного. А с книгой трудно представить обратное.

Что это? Недостаток? Или привилегия? Конечно, вам хочется поделиться пониманием прочитанного, и вы пользуетесь для этого малейшей возможностью. Но и возможностей не так уж много, да и удовольствия куда как меньше, чем от чтения в тиши под солнцем или настольной лампой.

Я считаю привилегией. Разве вы не ловили себя на ощущении, что Лев Толстой писал «Анну Каренину» именно для вас? И никто так глубоко не понимает Толстого как вы?

И это вы смогли исполнить книгу как никто другой. Так наслаждайтесь и становитесь умней!

Но для исполнения нужно мастерство. И недаром музыканты часами терзают клавиши рояля, доводя соседей за стеной до бешенства.

А что же читатель?

Мы уже говорили, что для чтения художественного языка привлекается весь жизненный и литературный опыт.

Что касается жизненного опыта, то он приобретается течением самой жизни, какой бы стороной она ни оборачивалась. Человек всегда стоит перед выбором дальнейшего пути и иногда даже делает это самостоятельно. Но так или иначе идет единственным путем, что и определяет его жизненный опыт. Выбор касается и объектов чтения, добавляющего довольно весомый опыт. Читая, человек проживает непрожитую им жизнь, но которая могла или может случиться. Жизненный опыт совершенно индивидуален и охватывает жизнь с разных сторон.

Единственно, что можно считать общим и обязательным — интерес к жизни. Человек должен жить интересами и проявлениями своего времени, своего народа и всего мира. Все должно его интересовать — история, культура, политика, спорт, цены на продукты и так далее.

А вот литературный опыт — это уже сознательная деятельность, поддающаяся планам, программам, корректировке. В конце концов, литературный опыт — это опыт обучения с огромной долей самообучения.

Но любая деятельность требует и определенных способностей. Мы уже убедились, что чтение художественного текста — это не знание букв и правил грамматики. Необходимо почувствовать и понять текст. Это работа сознания и подсознания. *Понимание* связано с взаимодействием читателя с текстом, с переживаниями перипетий жизни героев, добра и зла окружающего мира, на которые автор раскрывает нам глаза. А это значит, прежде всего, текст нужно почувствовать. Так сказать, интуитивно воспринять. А каждый ли на это способен?

Если у человека нет музыкального слуха, то чтобы и как бы ему ни говорили, Седьмая героическая симфония Шостаковича останется для него набором звуков, и ни ее величие, ни трагизм до него не дойдут. При этом физический слух у него может быть чрезвычайно острым.

Человек может обладать самым острым зрением, но картина Левитана «Над вечным покоем» оставит его равнодушным, объясняй не объясняй значение огонька в старой ветхой церквушке.

А не требуется ли особый поэтический слух при восприятии литературных текстов? Конечно, нужен. Читатель равновелик автору. Присмотритесь к людям, не знающим, не читающим и не любящим поэзию! Как правило, им недоступны и другие виды искусств, ибо все начинается с поэзии.

Вы скажете, что есть люди, сознательно отрицающие поэзию, будучи художниками. Например, великий писатель Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин считал, что писать и читать стихи все равно, что ходить по веревочке, расстеленной по полу, да еще и приседать

на каждом шаге. Обратите внимание на великолепный поэтический образ! Но начинал он именно с поэзии. И, кстати, поэзия фаршированной головы казалась ему совершенно естественной. Нет, отрицание поэзии есть одна из форм признания ее существования. По произведениям Салтыкова-Шедрина никак не скажешь, что стихи он не читал.

Разговор не об отрицающих поэзию, а о не слышащих ее. Именно о них писал Фёдор Иванович Тютчев:

Они не видят и не слышат,
Живут в сем мире, как впотьмах,
Для них и солнцы, знать, не дышат,
И жизни нет в морских волнах.

Лучи к ним в душу не сходили,
Весна в груди их не цвела,
При них леса не говорили
И ночь в звездах нема была!

И языками неземными,
Волнуя реки и леса,
В ночи не совещалась с ними
В беседе дружеской гроза!

Не их вина: пойми, коль может,
Органа жизнь глухонемой!
Увы, души в нем не встревожит
И голос матери самой!

Сравнение с глухонемым вместе с замечанием *«Не их вина…»* может навести на мысль, что Тютчев намекает на органический недостаток, то есть отсутствие поэтического слуха. Нет, не мог поэт с тончайшей душевной организацией обрушиться на людей с физическим недостатком. А глухота к *«голосу матери самой»* убеждает, что люди сами довели себя до такого нечеловеческого состояния. Стихотворение звучит как призыв — опомнитесь!

Поэтому давайте и мы будем исходить из того, что каждый человек может воспитать в себе любовь к поэзии, к красоте и гармонии окружающего мира. Не забудем, что способностями Творец наделил нас неодинаковыми, но развивать их надо всем. Иначе способности не превратятся в талант. В талант читателя.

Каждое дело требует специфических знаний и умений. Тут список будет достаточно объемен. И чем больше читатель будет читать, тем лучше будет понимать, чего ему не хватает. Но это уже самообучение, и Бог в помощь, дорогой читатель! Здесь же остановимся на важнейших моментах понимания.

Прежде всего, согласимся, что искусство это игра. Не нечто несерьезное, не детская забава, а один из важнейших компонентов нашей жизни. Если понимать под игрой действия с мыслительными или физическими моделями, то, словами Шекспира, подхваченными оперой Чайковского: *«Что наша жизнь — игра!»*. Разве математика и физика не есть игра в формулы, моделирующие те или иные величины и процессы? Это потом будут совсем неигрушечные атомные взрывы, но прежде очень серьезные ученые играли моделями атомов, начиная с простенькой планетарной — Резерфорда. А разве литература не моделирование жизненных ситуаций, которые мы примеряем на себя, а затем применяем? Игра!

В «Первых воспоминаниях» Льва Толстого есть такой эпизод: мальчики играют в казаков-разбойников. Оседлали стулья и скачут навстречу врагам. А один мальчик не скачет — вы же все равно стоите на месте, так я здесь посижу. Но если нет игры, то что же тогда есть, вопрошает великий писатель. Действительно — что? Пустота?

Но что за игра искусство? В принципе, есть два типа игры с широкой амплитудой пересечений.

Первая всем ясна — соревнования, игра на выигрыш. Шахматы, например, или толчок штанги. А для этого надо тренироваться, развивать мысль, силу, ловкость, упорство и так далее. Прекрасно! Очень полезные в жизни качества.

Вторая модель не столь явственна. Это игра вообще, без видимой цели победить. Девочка играет в дочки-матери, в которой цели победить нет. Но это далеко не бесполезное занятие! Девочка учится быть женщиной, быть матерью, быть хозяйкой и многому другому. Есть ли что-нибудь сложнее и важнее такой игры? Как говорил Эйнштейн: *«Моя теория относительности — всего лишь детская игра по сравнению с детской игрой!»*

Искусство, на мой взгляд, игра второго типа. Здесь если и нужно побеждать, то только самого себя. Свою черствость, свою лень, свою узость мышления, свои неразвитые чувства. И становиться Человеком!

И еще один важнейший момент — образование. Вопрос сложный и достаточно субъективный. Проще всего обывательский взгляд — образование есть диплом об окончании высшего учебного заведения. Но тут, что называется, простота хуже воровства. Университетский диплом, а также дипломы кандидатов, докторов, доцентов, профессоров свидетельствуют о вашей квалификации и приберегите их для отделов кадров — там оценят. В искусстве же, как писал Козьма Прутков: *«Специалист подобен флюсу, полнота его одностороння».*

Нет, для того, чтобы быть образованным и культурным человеком, необходимы две дисциплины (в широком смысле) — литература и математика. Кроме развития образной и логической компонент, они дисциплинируют мышление, делают мысли и произведения объемными и гармоничными. Еще в VI или в VII веке до нашей эры отец европейской литературы Гомер провозгласил в VI песне «Илиады»: *«Твердо я ведаю сам, убеждаясь и мыслью, и сердцем».* Вот это «и мыслью, и сердцем» определяет всю нашу культуру, и ни от одного элемента отказаться никак нельзя.

Что значит знать литературу — мы разберем немного позднее, но сам вопрос сомнений не вызывает. А вот насчет математики многие гуманитарии открещиваются руками

и ногами. И даже публично высказываются против изучения математических дисциплин. Конечно, гуманитарию можно не разбираться в тонкостях дифференциальных уравнений. Хотя и не помешало бы. Но понимать суть уравнений Максвелла он должен.

Более того, вслух высказываются мнения — ну вот, зачем я в школе изучал этот проклятый бином Ньютона? Где я его мог использовать? В работе? В быту? Успокойтесь, господа гуманитарии,— и технари не употребляют бином в быту и очень редко в работе. Так, может быть, действительно не стоит изучать? Но если в школе вы разобрались в логике доказательств, а не затвердили их перед экзаменом, то логическое мышление уже не покинет вас никогда. И вы не будете думать, что если арбуз круглый и Земля круглая, то Земля арбуз.

Философ, биограф и исследователь творчества Бродского Лев Лосев считал, что серьезные пробелы поэта в математике привели не к недостаточности знаний, которые всегда можно восполнить, а к отсутствию *дисциплинированного мышления*. Благодаря феноменальному поэтическому дару в стихах этот дефект не так заметен, хотя с пространством и временем у Бродского, мягко скажем, напряженные отношения. Так, он считает нематериальное пространство вещью, а время — мыслью о ней. Лично я считаю этот образ весьма сомнительным и отсылаю вас к моей статье *«Космос и хаос Иосифа Бродского»*.

Математика (или, шире, наука) должна присутствовать в образовании и мышлении читателя. Большой поэт и исследователь литературы Валерий Брюсов полагал, что писатель должен быть в курсе современных ему научных представлений и идей и *вправе требовать это и от читателей.*

Но вернемся к литературе.

Каждый вид деятельности сопровождается техникой исполнения. И читательское мастерство не исключение. Но существует распространенная иллюзия: все настолько просто, что читатель усваивает эту технику в процессе чтения. Действительно, еще в школе мы учимся ямб от хорея отличать. И не так уж сильно над этим бьемся. Сильно не сильно, но массовая безграмотность здесь потрясающая. Я даже встречал множество стихоплетов, которых развелось немеренно в оплачиваемых авторами изданиях, которые путают ямб с хореем, а о других размерах даже не слышали. Поверьте, дорогой читатель, чтобы освоить азы стихосложения, не требуется ни много усилий, ни много времени. Но знать основные размеры вы должны. Да их и не так много — ямб, хорей, дактиль, амфибрахий, анапест, дольник… Приплюсуйте сюда гомеровский гекзаметр. Для начала вполне достаточно. Разберитесь с мужской, женской и дактилическими рифмами, а также с перекрестной, парной, кольцевой. Узнайте, наконец, что такое строфа и с чем ее едят. Все слышали об онегинской строфе Пушкина, но все ли знают — что это такое? Вы не покраснели, дорогой читатель?

Тут я должен со всей серьезностью заявить, что нет ничего сложнее художественной техники. Как для исполнения, так и для восприятия. Это та самая детская игра, которая сложнее теории относительности. Но не пугайтесь! Тут существенная особенность. Мастерство восприятия растет с объемом прочитанного. Вы *растете.* И начав с четырехстопного хорея «Дяди Стёпы» Сергея Михалкова, вы можете дорасти до понимания

стихов Марины Цветаевой и Иосифа Бродского. И до прозы Кафки и Джойса. Читайте и наслаждайтесь!

Что еще нужно знать?

В последнее время все чаще публикуются рекомендуемые известными писателями и деятелями культуры списки книг для желательного прочтения. Последний такой список я прочитал от Бродского. Честно признаюсь: среди сотни наименований обнаружилось около десятка нечитанных мною. Нет, я не бросился срочно заполнять пробел в образовании по мнению лауреата Нобелевской премии. Прежде всего потому, что все не прочитаешь. Я и сам бы мог составить такой список, и Бродский почесал бы затылок.

Нет, мы поступим по-другому.

Любой вид искусства есть движение художественного языка. Собственно, мы и считаем произведение искусством, когда такое движение есть, хотя бы небольшое. Вот ощутить это движение и есть первостепенная задача читателя.

Я себе представляю развитие художественного языка в виде координатной оси, начало которой теряется в глубине веков, а стрелка направлена в необозримую бесконечность. А на этой прямой точки личностей, сделавших решительные повороты в данном движении. Еще их причисляют к классикам. Вот определиться с этими личностями и их произведениями совершенно необходимо. И если внимательно присмотреться, то их не так уж и много.

Как-то я прочел то ли речь, то ли статью известного немецкого писателя Томаса Манна к столетию гибели Пушкина: *«Если бы меня спросили, кого люблю я больше всех гениев поэзии и кого бы я выбрал, если бы я должен был назвать из них только шестерых или даже только четырех, я бы никогда не забыл имени Пушкина»*. Насчет Пушкина отсылаю к своей статье «Гомер. Данте. Пушкин», здесь же важно, что из огромного числа замечательных поэтов мира, Нобелевский лауреат называет четыре-шесть имен. Лично я согласен с писателем и рискну назвать эти имена — Гомер, Вергилий, Данте, Пушкин. А также добавлю Шекспира и Гёте. Конечно, этого не просто мало, а бесконечно мало. Но прочитав «Илиаду», «Энеиду», «Божественную комедию», «Гамлета», «Фауста», «Евгения Онегина», ориентироваться в мире литературы уже будет можно. А дальше… Дальше уже сами, дорогой читатель,— читайте и наслаждайтесь!

Но тут есть один очень серьезный момент — как читать. Пушкин заметил, что в художественном произведении важно не *что* написано, а *как*. То есть для нас, читателей, важно не только содержание, но и стиль, приемы и особенности изложения. Когда завораживают сами словосочетания, звуки и аллюзии.

Так, в «Докторе Живаго» Бориса Пастернака встретилась фраза, от которой я чуть не задохнулся от восторга: *«Была ясная осенняя ночь с морозом»*. Обратите внимание — не обычная холодная морозная ночь, а как бы отдельно. Кто еще, кроме Пастернака, мог так сказать? Одной фразой создана атмосфера морозной ясности и тишины. Не знаю как у вас, а у меня это фраза вызвала сильную эмоциональную реакцию.

Безусловно, читательское мастерство не ограничивается рассмотренным в данной статье. Да оно и безгранично по своей сути. А с чтением будет все повышаться и повышаться. И дай вам Бог! Читайте! И помните — читательское мастерство может даже превосходить произведение.

В предисловии к «Лекциям по зарубежной литературе» Владимира Набокова Андрей Битов пишет:

«Можно было бы лишь помечтать о таком учебнике, который бы учил человека читать в этом заветном, музыкальном смысле слова.

Такой учебник перед вами.

Именно в лекциях по иностранной литературе сказалось выше всего это редкое искусство чтения».

Полностью согласен с Битовым, только заменил бы слово «редкое» на «неповторимое» — так как прочел русский писатель Набоков зарубежную классику, вряд ли кто еще прочтет. При этом, я думаю, далеко не все и не во всем будут согласны с заключениями замечательного литератора. Так, в «Лекциях по русской литературе» Набоков объявляет романы Достоевского детективами. Ох, не все согласятся. А мне даже не по себе, что великий писатель путает литературный прием с жанром. Кстати, детективы не всегда второразрядная литература — вспомним «Имя Розы» Умберто Эко.

Битов считает «Лекции» Набокова учебником для чтения. Но что есть учебник по литературе для читателя? В школе мы «проходили» так называемые «разборы» произведений великих писателей. Не знаю как у вас, но у меня от этих разборов осталось впечатление, что читать произведение нужно так и только так. А если так не хочется, то можно и вообще не читать. Прямо скажу: советские учебники отбивали всякую охоту к чтению.

Единственным способом побудить читателя к чтению может быть только демонстрация собственного прочтения со своими переживаниями и размышлениями. Демонстрация любви к затеянной авторами игре, неповторимые чувственные и логические ходы и слова должны и могут пробудить в читателе желание собственного прочтения, тягу к собственным мыслям и чувствам.

Но что делать нам? Статья не книга, развернутое прочтение произведения займет весьма солидный объем, что в рамках статьи недопустимо. Разбор даже сравнительно короткого стихотворения, которое я дальше приведу, занял бы десятки страниц и превратил бы статью уже в трактат.

Но останавливаться только на теоретических предпосылках без иллюстраций — значит не полностью закончить работу, оставив в читателе чувство неудовлетворенности.

Давайте поступим так. Наметим по прочтении некоторые пути движения наших чувств и мыслей, а по этим алгоритмам вы уж сами, дорогой читатель. Настоящее чтение — перечитывание, говорил Набоков. И, по-моему, он был совершенно прав.

Итак, стихи.

МАЙ

Тихий вечер. Грустно, грустно,
Сладко сердце защемит…
Невесомым легким чувством
Мне удастся этот миг —

Чуть подняться над землею,
Над темнеющей травой,
Между вечером и тьмою
Тихо, тихо — рей и пой.

Чья еще душа услышит,
Чьи разверзнутся уста…
Вон знакомым знаком свыше
Разгорается звезда…

Лирику, прежде всего, воспринимают сердцем. Или, говоря по-научному, интуитивное прочтение впереди. Впрочем, этому правилу подчиняются и другие жанры. И если стихотворение легло на душу, окутало ее прозрачной дымкой, затронуло какие-то потаенные чувства, создало настроение, вот тогда подключается сознание — и мы пытаемся понять, что же прочли. А не понравилось — отложим. Оставим холодный разбор профессионалам. Они и недостатки найдут… А мы и искать не станем, разве что бросятся в глаза.

Это стихотворение — описываю свои собственные впечатления как читатель — завораживает с первых звуков. Есть в таких стихах какая-то таинственная поэтическая музыкальность, проникающая в душу сразу... Меня, например, охватили сладостная грусть и тревожно напряженное чувство ожидания чего-то такого, что сбывается. И выходить из этого настроения никак не хотелось. Но время шло, запомнившиеся строчки всплывали и всплывали в сознании, и разум мой стал просыпаться и вглядываться...

Прежде всего, всплыл невероятный образ — *«Между вечером и тьмою…»*. Вы замечали, что на нас очень сильное впечатления оказывают самые простые слова, которые мы и сами могли бы произнести, да вот почему-то не произносили. Действительно, если есть вечер и есть ночь, то должен же быть и какой-то переход... Теперь, когда строчка «вбилась в мозг», как говорил герой известного кинофильма, мы уже явственно ощущаем этот тревожный промежуток и даже видим цвет — неописуемо темно-синий.

Но главное — строчка вводит ожидание, которое еще нужно понять.

Дальше стали связываться звуки, все настойчивее требующие осмысления. В первых двух строчках доминирует звук «с», связывая смыслы разных и даже противоречивых слов: *«Грустно, грустно, / Сладко сердце защемит»*. Грустно и сладко... И все одновременно и в одном сердце. А ведь и мы не раз переживали эти как будто несовместные чувства, ожидая что что-то сбудется. И такая надежда звучит: *«Мне удастся этот миг».* Но чего ждет герой, чуть поднявшийся над землею?

Вдруг застывают слова *«невесомым легким»*… Невесомость — высшая форма легкости… Не тавтология ли? Нет, нет! Реять можно только в невесомости — это состояние не только души, но и тела.

В последнем катрене настойчиво звучит звук «з», как бы определяя душевный зуд, который предшествует речи.

Господи! Сколько еще можно сказать о словах, звуках, деталях этого маленького стихотворения, пришедших в движение и взаимодействие! Но у нас с вами, дорогой читатель, нет

времени и места, так что дальше вы уж сами. И, может быть, вы откроете то, что только вы и можете открыть.

Но об одном не сказать невозможно. Так о чем же стихотворение? Что нам сказал автор?

Здесь мы имеем дело с замечательной поэтической неопределенностью. В самом деле, автор нам не представился, мы даже не знаем: мужчина это или женщина. Что он делает, чем занимается — мы можем только догадываться. Но эта неопределенность позволяет нам *прочитать*.

Стихотворение названо «Май» — обозначена весна, когда все скрытое в земле появляется на свет. Поскольку других связей с названием в стихотворении нет, мы вправе предполагать, что лирический герой стихотворения также переживает открытия. Какие?

Мне думается, что это совершенно необыкновенное описание вдохновения и предчувствия вдохновения. Необыкновенное в том смысле, что ничего подобного я не встречал. И скорее всего перед нами поэт, из которого вот-вот из разверзшихся уст польются необыкновенные строки. Собственно, они и пролились. Неожиданное слово со старославянским корнем вместе с разгорающейся звездой указывает на то, что разговор будет с высшими силами.

Может быть, у вас другие предположения, дорогой читатель, — ради Бога! Все они уместны, если только отталкиваются от стихотворения.

А теперь попробуем прочитать другой жанр поэзии — живопись. С ней и проще, и сложнее. С одной стороны живописное полотно наглядно, причем, как правило, целиком. Даже грандиозное полотно — восемь на три метра! — Пикассо «Герника» все-таки охватываем целиком. А стало быть, и прочесть, казалось бы, можно сразу. С другой стороны, практически в каждом полотне есть детали, часто носящие символический характер, в которых нужно разбираться. Но, как правило, до этого не доходит, мы пробегаем мимо полотна, узнаем его и где-то там, в дальней рабочей памяти, ставим галочку — *видел.* Эх, дорогой читатель, ничего-то мы с вами серьезного не увидели и замысла автора не разгадали. Да и смотрели недолго.

Хороший советский писатель Михаил Анчаров как-то заметил: художник Александр Иванов из своих пятидесяти двух отпущенных ему лет двадцать потратил на свою знаменитую картину «Явление Христа народу». А сколько времени дает нам гид смотреть на нее? Минут пять? Или даже меньше? Что можно понять за этот короткий временной промежуток?

Давайте-ка остановимся перед одной картиной и попробуем вглядеться. Я выбираю картину из выдающихся полотен старых мастеров — Диего Веласкес «Продавец воды из Севильи». Картина, прежде всего, завораживает мастерством художника. Мы вглядываемся в темный фон, на котором возникает довольный выпитым бокалом крепенький юноша, свет на него почти не падает. Зато другие лица и фигуры, и аксессуары водопития наделены и цветом, и светотенью, и рельефностью. А кувшин на переднем плане своей округлостью и формой как бы предваряет картину, создавая бесконфликтную жанровую сцену. Картиной можно любоваться без конца.

Но неужели картина об обычном акте продажи воды? Вам не кажется, что в ней происходит что-то еще? О чем задумался мальчик? Что ему сказал бородатый продавец? И почему второй юноша в тени, но между главными героями?

1622-й год… Более пятисот лет назад… Нет, нам самим уже не разобраться. А что пишут специалисты? Ну, в глубокие труды мы не полезем, но в буклеты, пояснительные записки, поверхностный анализ… Так, в это время Испания воевала… (Пропустим.) Правил Филипп под каким-то номером… (Пропустим.) А, вот! Оказывается, на дне бокала плавает инжир. Ну и что? Дотошные искусствоведы докопались. В те времена в этой стране — место указано точно: Севилья — инжир был не просто ягодой, а эротическим символом! Вот как! Так что же предлагает еще нестарый морщинистый продавец? Бокал вкусной воды с инжиром или чашу любви? Так о чем задумался мальчик? Чем так доволен теневой юноша? Жанровая сценка разворачивается в событие. Тут есть о чем подумать.

Так давайте поразмышляем, дорогой читатель! Может быть, вы еще на что-то обратили внимание? Что там делает второй кувшин с лепными формами? Читайте, читайте — и вам откроется целый мир!

Но вернемся к печатному слову. Проза. В самом слове что-то прозаическое. Недаром существует устойчивое словосочетание «литература и искусство». Дескать, литература — имеется в виду проза — как бы и не искусство. Как говорим, так и пишем. Ну-ну, хотел бы я услышать за обеденным столом от интеллигента в безукоризненно завязанном галстуке монологи Достоевского или Платонова. Нет, проза — высокое искусство, и в ней даже самый бытовой язык очень и очень многозначен. За содержанием таится тот самый художественный язык, который нужно понять.

Но что взять для примера? Не будем трогать Пьера Безухова с Раскольниковым, смертельно уставших не только от бесчисленных разборов, но даже просто от упоминаний. Текст должен быть достаточно известным, но не набившим литературную оскомину. А давайте возьмем, по-моему, всем известных, но еще не причисленных к лику бессмертных, братьев Стругацких. Хотя их фантастика насчитывает уже десятки лет, но современность все чаще и чаще к ним обращается. Обратимся и мы. Затронутые ими темы оказываются чрезвычайно злободневными в нашем крайне неустойчивом мире. Кроме того, если кто-то и не читал их тома, я с удовольствием рекомендую обратиться к романам «Трудно быть богом» и «Понедельник начинается в субботу».

У Стругацких несколько тем, развивающихся от произведения к произведению. Это одни из немногих писателей, мировоззрение которых меняется буквально на наших глазах. От полного света и оптимизма звонкого «Полдня XXII века» до глухого и крайне пессимистичного «Бессильные мира сего» Бориса Стругацкого, который, оставшись один, писал под псевдонимом С. Витицкий.

Одна из центральных, на мой взгляд, тем Стругацких — прогрессорство. Ее можно проследить от «Трудно быть богом» до «Волны гасят ветер», и дальше — до романа С. Витицкого.

Вначале мы заинтересовано следим за перипетиями борьбы представителей далеко ушедшего в коммунистическое будущее человеческого общества за свет и добро для отсталых инопланетян, живущих в средневековье с явными чертами фашизма. Наше читательское

ожидание, воспитанное предыдущей советской фантастикой, готово к трудной борьбе и победе сил добра. Однако в тексте оно не реализуется. Более того, финал трагичен, и благородный дон Румата терпит поражение — и личное, и общественное. Это заставляет задуматься. Поднаторевшие в художественном языке, мы понимаем прозрачную аллегорию — передовое социалистическое общество несет недоразвитым капиталистическим массам великое знамя марксизма-ленинизма, учение, которое, как остроумно заметил какой-то партийный деятель, абсолютно верное, потому что правильное. Но в тексте добро воспринимается в штыки не только реакционной верхушкой, но и народом. Очень показателен центральный разговор Руматы — Антона с монахом Будахом, в котором после многочисленных невыполнимых просьб монах просто-напросто просит бога оставить их в покое.

Оставляю дальнейшие размышления над созданной Стругацкими коллизией вам, дорогие читатели. Тут есть над чем поразмышлять. Например, что вообще значит нести добро, особенно в наше непростое время? И полезно вспомнить поговорку «насильно мил не будешь».

Дальше у Стругацких привлекательность прогрессорства катастрофически падает. Их уже не любят свои и ненавидят подопечные. Как приговор звучат слова Тойво Глумова о том, что прогрессоры несут добро, а их за это ненавидят. Собственно, как персонажи они после «Обитаемого острова» со страниц практически исчезают, оставаясь в отзывах и описаниях. Но вдруг возникает прогрессорство самих землян со стороны таинственных Странников. Теперь фраза «Трудно быть богом» касается их. Но если в повести о Румате или в «Таинственном острове» Жюля Верна бог дан осязаемо и реалистично, то Странники, как истинные боги, остаются тайной навсегда. Что это за таинственная структура, по всей видимости, вневременная и внепространственная, каковы их цели и средства — землянам постичь не удается. И тут возникает страх неизвестного. Хотя ничего плохого Странники землянам вроде не делают. Но непостижимость последствий страшнее конкретной угрозы. Надзорная организация КОМКОН стремится недопустить непонятных действий. И в повести «Жук в муравейнике» дело доходит до убийства посланника Странников, протянувшего руку к непонятно как подействовавшему на землян предмету. Мы, читатели, могли бы предложить авторам множество иных способов предотвратить контакт Льва Абалкина с таинственными яйцами, но Стругацкие избирают самый радикальный способ. Это отсылает нас к древней китайской легенде об императоре, казнившего летающего изобретателя и уничтожившего изобретение с тем, чтобы не допустить неизвестных последствий нового, если, по мнению императора, в стране и так все хорошо, Как говорит русская пословица, лучшее враг хорошего.

Конечно, это тема крайне интересная и великолепно разработанная Стругацкими. Она требует глубоких размышлений, может быть, и с привлечением философских трудов. Но оставим ее вам, дорогой читатель, а мы перейдем к еще более неожиданным поворотам идеи прогрессорства.

Прежде всего, дополним напряженные перипетии темы Стругацких собственными переживаниями. В самом деле, разве мы сами не бывали — и не раз! — в роли прогрессора? Разве вам не доводилось, восхищаясь строчками Бродского *«Если выпало в империи родиться, лучше жить в глухой провинции у моря»*, показывать обывателю с неразвитым

поэтическим слухом, как звуки *«п»* и *«р»*, слегка затвердевая и тоскуя, переливаются из *«империи»* в *«провинцию»*? И на что натолкнулись? Конечно, лучше! Особенно на Мальдивах! Только как туда попасть? И с каким превосходством, если не ненавистью, будет обыватель смотреть на вас, морочащим ему голову!

А объяснять гуманитарию теорию относительности не пробовали? То-то.

Но вернемся к Стругацким. Тут, к нашему великому изумлению, когда мы вместе с Тойво Глумовым уже готовы схватить за руку потустороннюю силу, невесть что вытворяющую, выясняется, что никаких Странников нет! Что все эти фукамизации сотворили сами люди! Правда, люди-то люди, но не совсем. А совершенно новая формация — *Людены.* В одном из толкований этого слова присутствуют нелюди. Оказывается, что у некоторых людей в ментограмме присутствует некая закорючка, свидетельствующая о способности к третьей сигнальной системе, при развитии которой человек превращается в сверхчеловека, теряя интерес к остальному человечеству вплоть до любимой жены.

О, Господи, сколько роскошных размышлений ждет вас, дорогой читатель! Но мы сосредоточимся на следствиях, касающихся непосредственно нас.

А нет ли и в нашей ментограмме этой закорючки? А вот и есть! И называется эта загогулина Поэтический Слух! А значит, у нас есть возможность проникнуть в иные миры, открывающие неограниченные возможности. Но сама по себе загогулина не заработает, ее нужно *инициировать,* то есть развивать.

Так за работу, дорогой читатель! Читайте и понимайте художественные тексты! И место людена в мирах искусств и жизни вам гарантировано.

Борис КОЛЫМАГИН

ЖИЗНЬ И СОН

У поэзии есть особая форма жизни, и она связана с речевыми практиками. Одна из таких практик — рассказы о снах.

Их много, и они подаются в разных регистрах. Так, Света Литвак соединяет сон с реальностью, ее сновидческая картинка имеет черты гиперреализма: «Березка вся в сережках, / И яблонька цветет, / И гнездышко-лукошко / На липе птичка вьет». Однако приходит зима и: «Сон без конца и края, / Но день придет, постой,— / И ветер заиграет / Расцветшею листвой».

Елена Семёнова возвращает сну повседневность: «Был сон, в нем чашка со щербинкой / Столь отрешенно на окне / Стояла и простой картинкой / Напоминала детство мне: / Тот быт, прилипчивый до дрожи, / Растаявший, как сладкий сон — / Сквозная вешалка в прихожей, / Молочно-белый телефон, / Уютный круглый стол в гостиной, / Она же спальня, кабинет, / И полотер — прибор старинный, / Каких в помине нынче нет».

Людмиле Осокиной сновидения помогают открыть красоту мира: «Сон о нарциссах, / В сумерках тающих, / Светлых и чистых, / Вновь расцветающих. / С обликом снежным, / Будто мерцающим, / С запахом нежным, / В ночь улетающим».

Впрочем, сны бывают не только о более или менее понятном, но и о смутном, ускользающем. К примеру, Валерия Исмиева транслирует поток сознания: «Кто вверился источенной строке / в протоках сна, чей брейгелев отряд, / карабкаясь в рассветном молоке / туда, где ночь с бельма смывает сад, / и память липнет чешуей под лед, / тень тьмы живца в стеклянной скорлупе, / разводит ток дыханием рот в рот / до тряского сердечного купе».

Юрий Милорава уходит в сюрреальность. Он то ли занимается конструированием из сна, то ли проваливается в сновидческую условность: «заря с тенетами желтыми тяжелого / но это погоня / ветка лица соболиного леса / над поспевающим / откуда / бильярдные шары».

Пророчество, бред, кошмары, разного рода странности сопутствуют сновидениям. Игорь Бурдонов признается: «Мне снилось, что я птица, / и, медленно паря, / ищу, чем поживиться, / чтоб день прошел не зря».

Во сне, согласно Бурдонову, человек может стать не только птицей, но и простым камнем: «Сон камня. Снятся цветы и птицы. / Непрочных созданий ладони и лица. / Ручья незадумчивая водица. / И чья-то упавшая в воду ресница. / И шелк рукавов небесшумно струится. / И кто-то глядит и увидеть боится».

Борис Колымагин — поэт, литературовед, кандидат филологических наук, автор многочисленных публикаций. Живет в Москве.

Еще больше запутывают странную картину сны о снах. Не об этом ли строчки Вячеслава Куприянова: «Сон мой не хочет спать, / Тревожит меня опять. / Уводит меня в сады, / Где сны и друзья седы»?

Андрей Ивонин обыгрывает эту тему так: «Явь обернулась сном, / и круг замкнулся. / Едва глаза закрою, как опять / мне снится сон, / в котором я проснулся, / но в том, другом, / я продолжаю спать».

Есть сны о снах, а есть сон без сна. Об этом напоминает и знаменитая пьеса Кальдерона «Жизнь есть сон», и текст Олега Асиновского: «Вместе с тем и Крест распятия из любви к ближним и Гроб духовного возрождения светом Воскресения получают свой смысл лишь в перспективе всецело личного Воскресения ибо Воскресение невозможно без Гроба и Креста вот что такое сон без сна».

Рассказы о снах имеют свое продолжение в визуальной поэзии. Скажем, в работах Валерия Галечьяна и Влада Пряхина. Но, несмотря на включение в пересказ картинки, невозможно полностью оторваться от слова. Речь при любом пересказе раскрепощается. Порой в нее врывается лингвистика, как происходит это у Ингрид Кирштайн: «Ты мне будешь рассказывать мой же сон. / Хоплес, хопless, hopeless. Язык пойму. / Только вода струится и снег летит».

Не совсем, правда, понятно, как может другой человек рассказать мне мой сон. Это все, конечно, из области фантазий. А фантазировать мы можем только в реальном мире. Собственно, сам процесс написания стихов о снах есть опыт перевода сновидческого мира в текущую жизнь.

Текущая жизнь открыта всем людям. Это заметил еще Гераклит: «Для бодрствующих существует единый, всеобщий космос. Из спящих же всякий отправляется в свой собственный». Во сне реальность доступна только нам, мы не можем подключить к нашим сновидениям, вопреки фильму «Начало», другого человека. А вот стихи о снах как раз могут совершить подобную операцию. Они, как и реальность, открываются всем.

Сны в своей глубине всегда индивидуальны, и время в них — это наше внутреннее время. Этим они отличаются от фантазий, которые допускают вовлечение в них всех, кто устал от повседневности. Полеты к звездам — это не только мечты братьев Стругацких, но и миллионов советских людей. И они опирались на реальные достижения: первый искусственный спутник Земли, Белка и Стрелка, Юрий Гагарин.

Глубина космоса и глубина сна близки между собой. Но последняя не может увлечь нас как игра свободной фантазии. Она привлекает другим: антропологией. Сон показывает перспективу иначе, чем фантазия. Он говорит не говоря и порой нуждается в истолкователе. Вспомним толкование снов Иосифом Прекрасным.

Мир сновидений — пассивный мир. Мы не можем, повторю еще раз, пустить в наш сон другого, разделить с ним наше сновидение. Во сне существует только внутреннее время: кошмара, путешествия, борьбы. Мы погружены в него. Когда же возникает ощущение, что это ненастоящее время, и все, что происходит с нами, условно, мы просыпаемся.

Во сне логические связи, которые цепко держат наш мир, становятся непрочными. Мы идем и вдруг полетели. И вдруг проваливаемся. И когда проваливаемся, то от ужаса

вздрагиваем и спрашиваем себя: а не снится ли все это? Появляется сомнение, как у Марии Поповой: «все ни о чем / обо всем».

Есть целый ряд текстов, где обыгрываются моменты входа и выхода из сна. Они сами по себе являются событиями. Пример — стихи Марины Батасовой: «Я помню: идти туда, где вечером был вокзал. / Дошедшие поезда разбиты и под откос. / В разорванной пустоте зачем-то натянут трос, / И я спотыкаюсь — сон… / Мне только открыть глаза».

Можно привести и другой, хрестоматийный пример, текст Игоря Холина: «Время семь / На дворе темь / Ему неохота идти на работу / Хочется спать / Может на все наплевать / Пусть увольняют / Отдают под суд / Надоел ежедневный труд / Скрежет прессов / Грохот станков… / Вдруг вскочил как шальной. / Потом вспомнил: / Выходной». Здесь как раз событие выхода из сна является стихообразующим моментом. Оно относится и к языку, и к эпохе, когда за опоздание на работу давали срок.

Рассматривая стихи о снах, мы можем задаться вопросами: когда, как, при каких обстоятельствах мы говорим. И, отвечая на них, понять что-то важное о литературе и о времени, в котором живем.

15 августа 2026 года исполнилось 85 лет замечательному поэту и человеку **Петру Георгиевичу Гулдедаве.**

Поздравляем нашего друга и желаем ему новых стихов и крепкого здоровья!

Редакция журнала «Дети Ра»

Пётр ГУЛДЕДАВА

ПОРЫВ ЛЮБВИ

* * *

Покуда нам сопутствует удача,
И чувствам не нужна раскачка,
Порыв любви — самоотдача,
А не минутная подачка.

С небесным разумом общаясь,
Как много тысяч лет назад,
Летит на нас, не прекращаясь,
Сердечный вечный звездопад…

В блаженный миг, исполнив грезы
И сокровенную мечту,
Мы тоже падаем, как звезды,
Дотла сгорая на лету!

* * *

Жизнь меня учила на ходу,
Как важна настройка боевая.
Что любую горечь и беду
Надо выносить, не унывая…

Пётр Гулдедава — поэт, литературный критик. Член правления Академии российской литературы, Заслуженный писатель МГО СП России, член Союза писателей XXI века. Живет в Москве.

Только в запредельно давний век
Господом задумано в начале,
Что любой на свете человек
Создан для любви и для печали.

И, когда со мной не рядом ты, —
В горестной тревоге от разлуки
Расстаюсь с объятьями мечты
И тоске протягиваю руки!

БОГ ЕСТЬ ЛЮБОВЬ!

Я свято слово в памяти храню,
Подсказанное горькою судьбою:
Любовь не просто сладкое меню,
Она борьба! Порой — с самим собою!

Какие бы, препоны городя,
Невзгоды жизни нас ни удручали,
Любовь сияет ярче, проходя
Сквозь тучи гроз и облака печали.

Кто погубить бы нас ни норовил,
Какая бы ни вздыбилась тревога,
Я строго был на стороне любви,
И это значит — под покровом Бога!

* * *

Текут над «шариком» века,
В бореньях злого и благого,
И Лета — тихая река —
Течет по камешкам былого…

А в Бирюлёве спит Москва,
И по эфирному простору,
Как прошлолетняя листва,
Стихи шуршат по монитору.

В них сожаления и стыд
Как стимул творчества безбрежный.
Былой духовный суицид
И возрождение надежды!..

Харон годов моих монету
Привычно спрячет за щекой,
Когда и я уйду за Лету,
В потусторонний непокой!

О БРЕННОСТИ…

Мы суть вещей не сразу понимаем,
И смолоду, как вешние цветки,
Легко дары небес воспринимаем
И смело тянем к солнцу лепестки.

Себя, как те бутоны, поднимаем
В земных цветах под щебетанье птах…
Но часто слишком поздно вспоминаем,
Что все земное обратимо в прах.

Что радость бытия не бесконечна,
И что не все проходит так, как хочется,
А то, что основательно и вечно,
Дается через боль и одиночество.

Евгений СТЕПАНОВ

ИЮЛЬ–СЕНТЯБРЬ 2026

КАК НА САМОМ ДЕЛЕ ЖИЛА СОВЕТСКАЯ НОМЕНКЛАТУРА СТАЛИНСКО-ХРУЩЁВСКОГО ПЕРИОДА

О советской номенклатуре написано множество небылиц. На самом деле — жили функционеры тогда весьма скромно.

Расскажу о своей семье.

Мой дед, Степанов Александр Алексеевич, родился в 1909 году. Еще до революции. В советское время получил высшее образование и занимал высокие государственные посты. В возрасте 48 лет, в 1957 году, решением ЦК был назначен зампредом Совнархоза Томской области, говоря сегодняшним языком — вице-губернатором. Курировал легкую и пищевую промышленность. Проработал дед в Томске 4 года. С ним жили и его дети, мой отец и моя тетя — тетя Галя. Квартира была трехкомнатная — на четверых. Никаких излишеств. Потом дед вернулся в Москву и стал работать начальником ОКСа Министерства рыбной промышленности СССР (где и раньше работал), занимался строительными вопросами в масштабах огромной страны, а еще он был секретарем партийной организации Министерства. Величина очень большая. И вот ему по возвращении в Москву дали на двоих с бабушкой, она была 1913 года рождения (дети их тогда уже женились и жили отдельно), двухкомнатную квартирку в Марьиной Роще, в хрущёвке, на Шереметьевской улице, 69 а, это между 12 и 14 проездами. Двухкомнатная квартира на двоих — это считалось очень хорошо.

И я там тоже жил. Я там, собственно, и родился. В роддоме № 9, как раз на Шереметьевской улице.

Помню свое детство. Помню пустырь. Помню санки, на которых меня с братом возил отец. Помню, что напротив дома была церковь…

А летом мы жили в Кускове, где были прописаны родители и мы с братом, в частном доме, в котором не было никаких удобств, только свет и печка-буржуйка. Отец воду таскал из колонки.

Евгений Степанов — поэт, прозаик, бард, публицист, издатель, актер, режиссер, автор полнометражных фильмов «Христос-Человечество» и «Основной вопрос». Родился в 1964 году в Москве. Окончил факультет иностранных языков Тамбовского педагогического института, Университет христианского образования в Женеве и аспирантуру МГУ им. М.В. Ломоносова. Кандидат филологических наук. Печатается с 1981 года. Публиковался в центральной периодике. Автор нескольких книг стихов, вышедших в России, США, Болгарии, Румынии, Венгрии, а также книг прозы и научных монографий. Главный редактор журналов «Дети Ра», «Зинзивер» и координатор портала «Читальный зал». Лауреат премии имени А. Дельвига «Литературной газеты» и премий журналов «Нева» и «Сура». Руководитель Союза писателей XXI века и издательства «Вест-Консалтинг». Живет в поселке Быково (Московская область).

Умер дед в 1985 году, в возрасте 76 лет. Никаких материальных богатств он за свою жизнь не скопил. О политике со мной никогда не говорил. Больше всего он любил играть на скрипке и выращивать на даче помидоры. Дача в Купавне (это изначально был дом его второй жены, тети Нины; они поженились поле смерти бабушки) была небольшая — полдома без удобств, шесть соток.

2026

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ЗЕМНОГО ШАРА

Может быть, Хлебников все правильно придумал? Должна быть одна страна под названием Земной шар. Возможно, тогда не будет войн...

ОТЕЦ

Июль 2026. Забрал отца из больницы (ЦКБ) после инсульта. Начинаем учиться жить заново.

ОГУРЦЫ

Мои радости. 4.08.2026. Выращено 140 огурцов.
10.08.2026. Уже 201 огурец.
25.08.2026. 301 огурец.
14.09.2026. 405 огурцов.
Почти все раздал.

СТАРШИЙ ТОВАРИЩ

5.08.2026.
Звонит мой старый (во всех смыслах) друг, крутой бизнесмен, весьма далекий от поэзии:
— Женечка, постоянно читаю твою книгу стихов «Младший брат травы». И она помогает мне жить. Твои стихи вдохновляют меня на жизнь.

И прочитал одно стихотворение из книги.

Честное слово, не вру.
Такой звонок — высшая награда для стихотворца.

2026

МАЛАХОВКА

8.08.2026. Ходил в Малаховку, на пруд. Купался. Там все роскошно привели в порядок. Построили мост через пруд, завезли новый песок… Курорт мирового уровня!

ИЛЬИНКА

9.08.2026. Ходил в Ильинку. Там тоже преобразования. Создали парк отдыха возле пруда. Везде ухоженные дорожки, мостики… Очень красиво.

Вадим Фадин, «Поздний час»
М.: Б.С.Г. -Пресс, 2026

Исполнилось 90 лет Вадиму Фадину. Поэт, прозаик, переводчик, он прошел длительный путь в литературе. Но было начало, когда молодой поэт обратился к старшему коллеге — Павлу Антокольскому. И мэтр одобрил его творения. Это была существенная поддержка. Но путь поэта не бывает простым. Вадим Фадин печатался редко. Многие стихи оставались в столе, автор был строг к себе, считал, что написанное должно пройти проверку временем. И вот стихи прошли проверку и собрались в книгу, очень удачно названную — «Поздний час». Хотя книга с таким названием у Фадина могла бы выйти еще в давние времена, если бы машинистка не перепутала названия!

История стихов, вошедших в книгу, отчасти рассказана самим автором, а отчасти автором предисловия Сергеем Морейно. Но и сами стихи рассказывают свои истории, и главное — показывают поэта с новой стороны и в то же время соединенно с другими, которые уже выходили к читателю.

Фазиль Искандер в свое время замечал в стихах Вадима Фадина своего рода «новую элегичность», Светлана Василенко относила их к «тихой лирике».

Есть в этих стихах особая философичность, соединяющая высокое и бытовое, земное и небесное, как в этом стихотворении:

Снег на голову: легче снега,
каждый — как паутины нить,
падают сбитые ангелы с неба,
и падения не объяснить,

и не знаешь, подставить ли длани
и вопить, что случилась беда,
или только задумать желанье,
словно падает просто звезда.

Мартин Миттельмайер, «Век ДАДА». Пер. с немецкого Веры Котелевской.
Научный редактор и автор послесловия Константин Дудаков-Кашуро.
М.: Ад Маргинем Пресс, 2026

Что такое ДАДА — в России объяснять давно не нужно. Еще в пору учебы на филфаке в самом начале 1970-х годов мы зачитывались лекциями Леонида Григорьевича Андреева, собранными им в книгу «Сюрреализм» (М.,1972), где наряду с сюрреализмом было хорошо представлено и ДАДА. На мой взгляд, это одна из лучших книг на тему. А она ведь вышла в пору «железного занавеса»!

В другую пору вышел ряд книг: «Альманах ДАДА» (2000), «Дада в Париже» Мишеля Сануйе (1999), «Дадаизм в Цюрихе, Берлине, Ганновере и Кёльне» (2001), исследование К. Дудакова-Кашуро «Экспериментальная поэзия в западноевропейских авангардных течениях начала XX века» (2003), «Дадаизм и дадаисты» В. Д. Седельника (2010), «Дада и антискусство» Ханса Рихтера (2014). Добавим к этому грандиозную конференцию в Москве «100 раз дада» и вышедший к этому событию ряд книг (2016 г.).

Тем не менее перевод, вышедшей на немецком в 2016 году, к 100-летию ДАДА, книги Мартина Миттельмайера — весьма нетривиальное событие. Это интересная попытка охватить все движение в деталях и биографических подробностях и в то же время показать, как делалось дадаистское произведение. Характерно название глав «Выступать на сцене», «Делать искусство», «Склеивать», «Говорить». Содержание глав еще больше детализирует дадаистские подходы к искусству в их связи с другими подходами — классическими и неклассическими. Не случайно Константин Дудаков-Кашуро называет свое послесловие «Дада — больше, чем дада», подчеркивая, что дадаисты чрезвычайно обострили вопрос — что такое искусство, как оно делается, чему служит или не служит и т. д.

Книга Миттельмайера написана в стиле интеллектуально-беллетристического расследования. Автор документирует свое расследование многочисленными отсылами к свидетельствам участников движения, их фанатов и оппонентов. И в то же время позволяет себе броские определения, которые могут заинтересовать читателя:

«Уловка самоназвания "ДАДА" состояла в том, что оно лишено какого-либо значения. Парадоксальная программа заключалась в отсутствии программы — и именно это оказалось не под силу даже самым талантливым дадаистам. И это еще одна причина, по которой движение ДАДА, едва зародившись, быстро распалось».

НО!

«К слову "ДАДА" то и дело обращаются по сей день: оно давно освободилось от своих исторических манифестаций и проникло в повседневную речь. Этим словом из двух слогов любят обозначать забавную ерунду или провокационное языковое искусство: от зычных и заряженных эмоциями выкриков футбольного тренера, который не в ладах с немецким, до речевой эквилибристики рэпа,— под видом "ДАДА" объединяют подчас немало современных явлений. И всякий раз, когда заходит речь о столичных западных клубах, стремящихся вписаться в традицию культурного авангарда, интеллектуальной элитарности и соблазнов либертинажа — от салонов мыслителей Просвещения XVIII века до нью-йоркской Studio 54,— не обходится без упоминания кабаре Вольтер».

Вот на этом единстве противоречий в духе ДАДА и сделаем краткую остановку, и погрузимся в книгу, чтобы двинуться дальше к новым открытиям.

Вера Панченко, «Вдоль радуг-дорог»
М.: «Логос», 2026

Книга Веры Панченко «Вдоль радуг-дорог», выпущенная псковским издательством «Логос» в текущем году, включает в себя стихотворения 2020–2025 гг. Она посвящена памяти братьев Владимира и Николая, состоит из двух разделов: «Личное статус-кво» и «Прописи на флаге».

Вера Иосифовна родилась 6 мая 1934 года на станции Бушулей Читинской области. В 1956 окончила Читинский государственный педагогический институт. Она автор поэтических книг: «Мое имя» (Рига, 1966), «Однолюбы» (Иркутск, 1968), «Ветка снега» (Рига, 1973), «Вкус познанья» (Рига, 1977), «Мельница» (Рига, 1981), «Прозрачные колокола» (Рига, 1984), «Из пазухи дня…» (Рига, 2011), «Зов» (Рига, 2016), сборника «Весло» (куда вошли семь поэтических книг, написанных с 1984 по 2005 год, Рига, 2017), «По замыслу доветхого завета» (Рига, 2020), «Стан» (Москва, 2023). Публиковалась в журналах «Север», «День и ночь», «Слово Забайкалья», «Меценат и мир», «Крещатик», «Свет столицы», «9 Муз», «Александръ», в сетевом журнале «Новая литература», межконтинентальном «Грани», в альманахах «Паровозъ» (Москва), «Письмена» (Рига), в антологии забайкальской поэзии «Сказать свое слово» и других изданиях. В 1973 году принята в Союз писателей СССР, ныне член СП России. Жила в Риге с 1961 по 2024 год, сейчас — в Пскове.

«Вдоль радуг-дорог» — не просто собрание стихов — это яркое и глубокое поэтическое полотно, в котором поэт продолжает традиции классической русской лирики, обогащая их личным опытом и философскими размышлениями.

Двужилен мой Пегас,
И без него — ни дня.
И нету среди вас
Счастливее меня.

Вера Панченко остается верна своему стилю: ее стихи отличаются строгостью формы, богатством языка и особой чуткостью к внутреннему миру человека и окружающей природе, ясностью мысли и душевной неподдельной искренностью.

Без амбиций и перекоса,—
Жизнь питомцами недовольна
И напомнит нам суть вопроса,
Коль задумана семядольно.

И в итоге идет востоком
Поворачивать нас за плечи —
В путь печальный, возврат к истокам,—
Не заигрывайся, человече.

В новых стихах поэт обращается к вечным темам — любви, памяти, времени, красоте родного края. Особое место занимает тема России, ее судьбы и духовного пути.

На моей цветочной горке
Цветорадости — с весны,
Солнце дремлет на распорке
Замечтавшейся сосны.

Память — это мартиролог,
Убеждает час от часу —
Путь к нему совсем не долог,
Не ошибся он ни разу.

Или эти:

А где ныне ангелы братьев моих?
От ангелов тоже — молчанье в ответ.
А я здесь горюю — одна за троих,
Втройне в этой жизни пощады мне нет.

Война — не русская вина,
Но будет русскою Победа,
Зарок для всякого соседа —
Здесь недоступная страна.

Вера Панченко виртуозно использует редкие, почти забытые слова, возвращая читателю ощущение богатства и глубины русского языка.

Светится пеплом небесная светокрасильня…
Рекостав не любит одиночества…

Ее строки наполнены светом, даже когда речь идет о печали или утрате.

Простите мне, братья, вину —
смиренья бы мне, утешенья.
не слать свою боль в тишину —
мерцанье, души завершенье.

Поэтическое пространство книги организовано очень продуманно: каждая строка, каждая пауза работают на создание атмосферы, в которой читатель может остановиться и задуматься.

Вере Панченко удается одушевлять неодушевленное, находить поэзию в повседневности и видеть свет даже в самых простых вещах.

Забуду названия литер,
Не рифмой единой жива,
Свяжу размохеровый свитер,
В инета нырну черева.

Ее стихи — это не только отражение личных переживаний, но и отклик на вызовы времени, размышления о судьбе культуры и языка в современном мире.

А слово — золото на вес,
И дорого, как честь.
Их, золотых,— среди словес —
По пальцам перечесть.

И роль их — прочности запас
В строенье языка,
И утешать умеют нас,
И отменять века.

На страницах мы встречаем и разнообразные стихи-посвящения: Михаилу Васильевичу Ломоносову, внучке Анастасии Зих, поэту Амарсане Улзытуеву, памяти Дарьи Дугиной, на снос Памятника Освободителям Риги, памяти забайкальского писателя Бориса Константиновича Макарова, первому читателю на псковской земле Наталье Викторовне Борисенковой, Спасо-Преображенскому храму Мирожского монастыря, памяти Неизвестного Солдата. Также в книгу вошла интересная односторонняя беседа с выдающимся философом К. Д. Кавелиным. Она написана свободным стихом. В прошлом году я уже включал ее в коллективный сборник «Забайкальский авангард», как и беседу с Л. Н. Толстым. Это еще раз говорит о разностороннем таланте автора.

Из метафорических образов помимо редких слов, встречающихся в содержании, могу отметить:

«Прозрачный говор переката…»;

«Дожди висят, как занавески…»;

«Вибрирует времени нить…»;

«Чистая линза упавшей слезы…»;

«Вечно плывущая плазма небес…».

Книга «Вдоль радуг-дорог» для вдумчивого, неспешного чтения. Она будет интересна как давним поклонникам творчества Веры Панченко, так и новым читателям, ищущим в поэзии свет, мудрость и подлинную красоту слова.

Андрей ШУТОВ

Юрий Казарин, «НЕМТЫРЬ (думающий стихи)»
М.: Издательство Евгения Степанова, издательство «Клуб печати», 2026

Немтырь.

Иначе — юродивый, блаженный. И вот, попав в объектив писательского внимания — жизнью своей, ворохами событий и ощущений — немтырь Ваня становится персонажем повествования.

Героем книги Юрия Казарина «Немтырь (думающий стихи)».

Ваня (Мван) привлекателен очень — живущий на каком-то другом градусе бытия, на своем полюсе, где блаженство возможно и в земном варианте.

Он (Ваня) — с деревьями, кора которых похожа на надписи на праязыке, с книгами и небом, отраженным в них, с птицами, озером, бликующим тугой поверхностью.

Словно в нем — живая вода.

Проза Казарина переливается оной: живой плазмой жизни течет, завораживая своей поэтичностью:

«Ваня был не просто немтырь — он был великим думателем и воображателем, а воображение, как известно,— это мыльный пузырь, но пуленепробиваемый. Ваня сочинял истории о любви, о любимой и о себе, всегда называя себя в этих героико-романтических мечтах не "он", не "Иван Черепов" и даже не "Ваня", он видел себя — благородного и сильного — только "Юриком": бабушка часто кликала его, поддразнивая нежно и любовно — Ваня, Ванюша, Ванюра, Нюра, Юра, Юрик ты мой ненаглядный».

Русская бездна своеобразно раскрывается в образе Вани: образе-острове как будто — в большом пространстве обыденности, предпочитающей серый цвет.

А немтырь, великий думатель, любит яркость красок: разнообразных, радуга — как мера цветности жизни.

Везде расплесканная радуга.

Ваня понимает кота.

Ваня способен смотреть в глуби вещей, и пласты истории, разворачивающиеся в книге, высвечивают его характер постепенно: чтобы ярче разгорался.

За ним — русская тайна.

Он сам бы не смог сформулировать ее, продолжая сочинять, вслушиваться, вглядываться.

И тишина распахивается ему: глава так и называется — «Тишина распахивается»; тишина, начинающая играть такими вибрациями.

Из тишины рождаются стихи.

Проза Казарина словно продолжает его поэзию: лапидарно-компактную и предельно насыщенную.

И чистой водой льется «Немтырь» — омывая душу, словно очищая ее от пустоты наносной, от корост, нарастающих за жизнь.

Александр БАЛТИН

Тираж 100 экз.
Отпечатано
в ООО «Вест-Консалтинг»,
115230, г. Москва, Хлебозаводский проезд, д. 7,
стр. 9, этаж 7, пом. XIV, ком. 12.